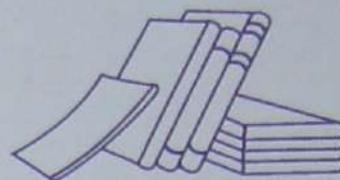
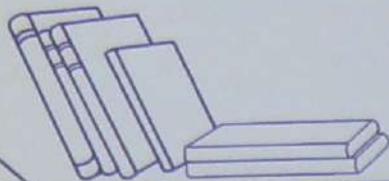

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 4. Танкисты

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Серия 4. Танкисты

Навстречу 70-летию Великой Победы

Челябинск 2012

Консультант
Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,
почетный председатель городского комитета ветеранов
войны,
военной службы, боевых действий и правоохранительных
органов.

Рецензенты:
Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской
организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук.

Попов Л.А.
Бойцы вспоминают. Серия 4. Танкисты.

На обложке рисунок худ. В. Шевченко.

Текст дан в авторской редакции.

Это нашей истории строки

«В Великой Отечественной войне роль главной ударной и маневренной силы армии принадлежала бронетанковым войскам».

(В. О. война Советского Союза. М., 1967. С.576)

«От Сталинграда до Эльбы – вот долгий путь наших бронетанковых войск. Ни одна сколь-нибудь крупная операция Великой Отечественной войны не планировалась без участия массированных танковых и механизированных соединений. Если в контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 года участвовало 667 советских танков, то в сражении на Курской дуге их было уже около 3600, а в завершающей операции Великой Отечественной войны – Берлинской – приняло участие 6250 танков и самоходных установок».

(И.Шмелев. Советские танки. М., 1957).

«С началом Великой Отечеств. войны Сов. автобронетанк. войска вели боевые действия в исключительно сложных условиях. В Зап. пригран. воен. округах насчитывалось только 1475 новых танков Т-34 и КВ); все остальные были устаревших типов...»

«В приграничн. и др. сражениях с нем.- фаши. захватчиками в 1941 Сов. танк. соединения и части показали образцы мужества и отваги.

Большую роль они сыграли в битве под Москвой...»

«С декабря 1942 автобронетанк. войска стали наз. бронетанк. и мех. войсками РККА...»

«В конце 1944 началось формирование гвард. тяжелых танк. бригад в составе 3 полков (по 21 танку ИС-2 в каждом...»)»

(СВЭ т.7. М., 1979. С. 670, 671)

«Перед боем мы поклялись хранить боевые традиции части, драться смело и храбро, быть верными сынами Урала...»

(Из рапорта танкистов 96 добровольческой ТБ им. Челябинского комсомола 17 января 1943 г. в кн. Удар и защита. М., 1974. С.66)

«6 августа 1943 в освобожденном Белгороде состоялся митинг оставшихся в живых жителей города, на митинге звучали слова слава благодарности челябинцам, воспитавшим отважных танкистов – добровольцев! А на стене сохранившегося здания кто-то крупными буквами написал: «Братский привет танкистам Челябинской комсомольской бригады!»

В обращении общегородского митинга жителей Харькова в августе 1943 года: «Пройдут века, из поколения в поколение украинские кобзари будут петь песни о челябинских танкистах, павших смертью храбрых за освобождение Харькова»

(Л.А. Попов. Сыны Отечества. Челябинск, 2003. С.81, 89)

В.Е. ТЭСЛЕР

Владимир Евсеевич Тэслер принимал непосредственное участие в строительстве Челябинского металлургического завода и многих уникальных объектов города. Долгое время возглавлял деревообделочный комбинат, комбинат строительных материалов и изделий, а последние годы жизни работал в аппарате управления ордена Ленина объединения «Челябметаллургстрой».

В нем сочетались удивительные качества: требовательность и жесткость хозяйственного руководителя, с одной стороны, и внимательное отношение к людям, склонность к коллективному поиску решений, характерные для руководителя-общественника, — с другой. Не случайно то, что в аппарате управления он неоднократно избирался секретарем партийного бюро. Как лектора общества «Знание» его ценили не только в трудовых коллективах, но и в школах района. Школьники любили слушать его захватывающие рассказы о подвигах советских людей в годы войны, о перспективах строительства в городе Челябинске. Пообщавшись с Владимиром Евсеевичем, многие молодые люди твердо решали для себя стать строителями.

Будучи председателем совета челябинских ветеранов Уральского добровольческого танкового корпуса, В. Е. Тэслер — бывший механик-водитель танка Т-34 — и ветеранскую работу умел поддерживать на должном уровне.

Его рассказы о войне отличались краткостью, точностью, больше о своих товарищах, меньше о себе. Вот некоторые из них.

1. Спасая товарищей...

«Тридцатьчетверка» старого образца с 76-миллиметровой пушкой действовала в бою дерзко, но и сама, попав под перекрестный огонь, вышла из строя. Из запасного

6

топливного бака вытекала солярка и горела. А вы знаете, что это такое, когда горит солярка-

Командир роты Симонов получил тяжелое ранение, механик-водитель Зырянов и радист — тоже, и лишь младший лейтенант Ткачук остался невредимым. Он помог товарищам покинуть машину, погасил на них горящую одежду. В это время один из немецких танков развернулся, готовясь раздавить танкистов гусеницами. Немец мог бы спокойно расстрелять их из пулемета, но решил прежде поглумиться над своими жертвами. А произошло неожиданное. В два прыжка младший лейтенант Ткачук достиг горящего Т-34 и нырнул в его люк. Объятая пламенем и дымом «тридцатьчетверка» рванулась наперез немцу и почти в лоб таранила его.

Сухие строки приказа после боя гласили: «Младший лейтенант Ткачук пал смертью храбрых, спасая товарищей».

А был этот бой для младшего лейтенанта первым.

2. Атака

Вражеская батарея, которую было приказано уничтожить, располагалась на вершине горы. Сложность заключалась в том, что атакующий снизу танк на какое-то мгновение подставляет под огонь противника слабо защищенную

броней нижнюю часть своего корпуса. Поэтому, увидев левее более пологий склон, я устремил к нему свою машину и не заметил, что поляна, заросшая травой, в действительности оказалась заболоченным участком. Танк провалился до самого днища, гусеницы вращаются, а движения нет ни взад, ни вперед. Попробовали подложить бревна — не помогло. Экипаж соседнего танка предложил помощь, но... не хватило длины буксирного каната. А комбриг по радиации негодует: «Почему медлите, отдам под трибунал!»

Мы просигналили флажком, подошел еще один танк, срастили канаты, и двумя танками нашу машину вытащили на сухое место. Но время было потеряно. Теперь о маневре не могло быть и речи. Атаковали прямо в лоб. Снаряд

7

разбил пушку. Командир в башне контужен, схватился за голову. Лишь пулемет работает не умолкая.

Достигнув зарослей кустарника, под их прикрытием зашли с фланга и всю мощь своих танков обрушили на врага. Всего потребовалось каких-то несколько минут, и от только что угрожавшей нам батареи остались дымящиеся, вдавленные в грунт груды металла.

После боя, на разборе, комбриг заметил: «Хорошо, что с боевым заданием справились, а то не миновать бы вам дисциплинарного батальона».

3. Неделю пленных не брали

Я в то время являлся комсоргом батальона, поэтому попал в состав делегации, которая направлялась в освобожденный накануне концентрационный лагерь Майда-нек. Жуткая картина предстала перед нами: газовые камеры, печи крематория, настоящая фабрика смерти. Но этого было мало фашистам, параллельно они уничтожали людей более примитивными методами.

Экскаватором выкапывали котлован, строем приводили людей, расстреливали их из пулеметов, укладывали в котлован, засыпали слоем извести, приводили следующую группу людей и поступали точно так же. Так они

укладывали пять слоев, после чего котлован закапывали бульдозером.

Мы спросили: «А для чего палачи использовали известь?» Нам ответили: «Во-первых, это характеризует немецкий порядок, во-вторых, так быстрее разлагаются трупы».

В те дни в лагере уже работала международная комиссия: военные, штатские, священники православной и католической церкви и другие. Часть котлована уже раскопали. Среди останков расстрелянных были дети.

Я и сейчас об этом не могу говорить спокойно, а тогда... Тогда мы неделю пленных не брали. Командованию даже пришлось проводить целую серию собраний и бесед о гуманности. И все это потому, что практически от каждого батальона нашей добровольческой танковой бригады

8

побывали в Майданеке делегации и танкисты своими глазами видели, на какие зверства способен фашизм.

ДОБРОВОЛЕЦ

После освобождения Болхова, получив всего минут тридцать для отдыха и доформирования, 244-я Челябинская добровольческая танковая бригада, ставшая впоследствии 63-й гвардейской, с десантом на броне, вновь выступила в поход. В жаркий июльский день 1943 года в районе населенного пункта Злынь добровольцы-танкисты ВСТУПИЛИ в очередную схватку с врагом, длившуюся трое суток. Об ожесточенном характере сражений на Орловско-Курской дуге известно многое, об этом же свидетельствует рассказ ветерана Челябинской бригады Павла Васильевича Боровкова.

«Болванка ударила в в Т-тридцатьчетверку с такой силой, что башню сорвало и отбросило в сторону. Командира мгновенно разорвало на две половины. А меня,

вероятно, чем-то зацепило и выбросило из танка вместе с башней. С трамвированной грудной клеткой я оказался лежащим в зазоре между землей, башней и стволом пушки. Произошло это на поле, засеянном густой высокой рожью, которая затрудняла обзор механику-водителю, поэтому следовавший за нами танк проехал гусеницей по моим ногам, вдавив их в землю. Земля же, взлелеянная орловскими хлеборобами, оказалась настолько мягкой, что, хотя и переломанные, удалось спасти.

Санитары завернули меня в плащ-палатку и, как в мешке, доставили в медсанбат. Когда я пришел в сознание, врачи, удивляясь, не раз

9

говорили мне: «Вероятно, ты в рубашке родился. Ведь тебя пришлось буквально по частям собирать». Восемь месяцев я пролежал в госпитале. А затем вернулся в свою часть, фактически инвалидом, с несгибающейся ступней, занял место за рычагами танка. Продолжив путь на запад, дошел почти до Берлина. Километров 70 оставалось до столицы фашистского рейха, когда на нашем танке перебило гусеницу. При попытке восстановить ее я получил пулевое ранение и опять оказался в госпитале. Но на этот раз лечился недолго. Догнал свою бригаду в Чехословакии, где после освобождения Праги, продолжая наступление, мы двигались к какому-то занятому немцами селению и попали под

авианалет, сразу почувствовав, что немецкие летчики бомб на нас не жалеют. В результате столь мощного и неожиданного удара с воздуха многие машины оказались повреждены, на нашем танке перебиты обе гусеницы. Мы выбрались через нижний люк, выждали удобный момент и броском попытались достичь укрытия. Но взрывная волна очередной бомбы

оторвала нас всех троих от земли и бросила в сторону, оставленных немцами, блиндажей. После чего я третий раз попал на больничную койку, в госпиталь города Ленинграда, откуда выписали меня инвалидом и демобилизовали».

Возвратившись в Челябинск, П.В. Боровков устроился работать на часовой завод, начале в сборочный цех, одновременно учился, участвовал в общественной жизни завода. Вскоре стал мастером. Перед выходом на пенсию работал преподавателем производственных дисциплин. Здесь, на заводе, встретился со своей будущей женой, Любовью Семеновной. Вместе они прожили интересную, наполненную большим содержанием жизнь, воспитали сына и дочь.

10

НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

Отец мой и старший брат были плотниками высочайшей квалификации. Ежегодно, на продолжительное время, уезжали они на Каспий и строили там баржи, катера, лодки и даже пароходы. Малышей же в семье воспитывала мама, рассудительная, природой наделенная пронзительным умом, но неграмотная и очень набожная. Своей материнской любовью увлекла она и меня в религию. Вместе с ней ходил я в церковь, хорошо читал божественные книги. Но, по мере взросления, стал замечать в них непонятные, с точки зрения здравого смысла, моменты. Пытался прояснить их у умудренных опытом людей, но убедительного ответа почему-то не получал, — вспоминая об этом периоде своей жизни, ветеран Челябинского Агротехнического университета Дмитрий Степанович Долгов от души смеется. — Чепуха это все, — говорит, — люди склонны фантазировать вот и придумали подходящих для себя богов. После окончания четырех классов начальной школы мама не поддержала мое

стремление учиться дальше, боялась, что науки отвлекут ее Митьку от церкви и будет он, как вся просвещенная молодежь, безбожником. Она хотела, чтоб я, непременно, стад псаломщиком. А во мне почему-то пробудилось необычное влечение к технике. Я помню, как наш колхоз получил первый трактор, так я дневал и ночевал в поле с трактористами. Мечтал стать механизатором. И мечта моя осуществилась. В 1938 году, с отличием окончив курсы трактористов, я приступил к работе на тракторе СТЗ-НАТИ. Это было самое прекрасное время. Поутру, когда солнце только-только показывалось из-за горизонта, я выходил в поле. Над речкой расстилался легкий туман. Пахло травами, росой. Заводил свой трактор и полоска

11

свежераспаханной земли быстро тянулась за моей машиной. Я гордился тем, что односельчане обращали внимание на трактористов, всегда останавливались, подолгу смотрели вслед мощной машине, которая слушалась только моей воле. А песня «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» была самой популярной на селе.

В 1939 году, в неполные 20 лет, доверили мне руководство тракторной бригадой, а осенью этого же года призвали в ряды РККА в танковые войска. В 1941 году началась война. 4 июля 1941 года близ города Борисова, в Белоруссии, произошел бой, который мог оказаться

для меня последним. Я тогда вел танк Т-26 по лесной дороге. В башне находился командир орудия, возле него — радист, он же заряжающий. Обзор через смотровую щель был ограничен. Слева и справа мелькали сосны и ели. Неожиданно лес кончился, и мы увиделидвигающуюся колонну немцев с повозками и артиллерией. С ходу, открыв огонь из 45-миллиметрового орудия и пулемета, мы ринулись на

врага. Я увидел немецкую пушку, изготавливающуюся для стрельбы, направил на нее танк и смял ее.

T-26 относился к типу легких танков. Толщина брони у него составляла всего полтора сантиметра, ее пробивал даже крупнокалиберный пулемет. А двигатель работал на авиационном бензине. Малейшая искра и... По броне то справа, то слева щелкали вражеские пули. Вдруг, чем-то сильно стукнуло по танку и он загорелся. Мы едва успели выбраться наружу, отбежать в сторону, как он взорвался. Такая же участь постигла и многие другие машины нашего полка. А экипажи, оставшиеся без танков, перебросили в пехоту навстречу наступающему врагу.

В одном из боев нашу группу из восьми человек гитлеровцы блокировали на опушке леса. Мы заняли круговую оборону. Установили снятый с танка пулемет, 12

приготовили гранаты и остатки патронов. С таким боезапасом можно было продержаться минут пятнадцать, не больше. Все понимали, что нас ожидает. Командир приказал уничтожить личные документы. Я изорвал свои свидетельства и удостоверения. Дошла очередь до партбилета. Достал его из кармана, вспомнил своих товарищей, собрание, на котором они принимали меня в партию, и что-то дрогнуло в груди. Немного подумал, а потом поцеловал заветные корочки и положил партбилет обратно в карман, сказав самому себе: «Если ты коммунист настоящий, то и умирай коммунистом».

Но немцы почему-то не спешили расправиться с нами. Наверное, считали, что мы попали в такую западню, из которой уже не выбраться. День клонился к вечеру. Быстро темнело. Пошел сильный дождь. Ночью, воспользовавшись непогодой, мы попластунски по густой мокрой траве, от кустика к кустику, от деревца к деревцу двинулись в сторону противника и ушли, буквально, из-под его носа, не потеряв ни одного человека.

— Вам помог случай с дождем, — говорили нам позднее.

— Да, — отвечали мы, — и этот случай не упустили.

В декабре 1941 года меня с группой танкистов направили в Челябинск на переподготовку для службы на тяжелых танках КВ. Жили мы во дворце культуры ЧТЗ. Спали на нарах. Ходили на завод помогать собирать свои будущие машины. Одновременно изучали материальную часть. Танк КВ весил 49 тонн, имел 12-ти цилиндровый дизельный двигатель в 600 лошадиных сил. Лобовая броня его равнялась 110 миллиметров, а бортовая – 70 миллиметров. Экипаж составлял пять человек: командир танка - офицер, старший механик-водитель – должность офицерская, командир орудия, младший механик, он же заряжающий и радист, он же стрелок. А вот пушка на танке была маловатая, 76- миллиметровая.

13

Окончив челябинские курсы, я получил квалификацию старшего механика-водителя и звание старшина. В апреле 1942 года, погрузив свои машины на платформы, мы отбыли на Карельский фронт, где из челябинских танков сформировали 73-й отдельный тяжелотанковый полк прорыва, который вскоре стал гвардейским, а каждому его танку присвоили имена народных героев: «Суворов», «Чапаев» и т.д. Мой танк получил наименование «Щорс». Условия для танковых атак на севере были исключительно неблагоприятные: бездорожье, крутые подъемы и спуски, крупные валуны, ручьи и торфяники. Все это тормозило движение боевых машин. Но танки шли вперед, прокладывая путь пехоте.

Однажды на подступах к Петсамо наш полк должен был преодолеть крутой извилистый спуск к реке и форсировать ее. Заместитель командира полка по технической части полковник Кирьянов приказал мне, как имеющему квалификацию «Мастер вождения танка», преодолеть опасную преграду и, тем самым, показать дорогу другим танкам. Выполняя приказание, я вначале обследовал спуск пешком, потом, оставшись в танке один, повернул пушку

назад и на замедленной скорости, маневрируя по склону, спустился к реке, форсировал ее, выехал на противоположный, необследованный мною, берег, повернул чуть влево и вдруг танк накренился, да так, что опорные катки вышли из сцепления с гусеницей. Танки, следовавшие за мной, взяли немного правее, успешно преодолели преграду и ушли вперед. Меня душила обида от случившегося и, на какой-то момент, я растерялся. Командир танка попросил политрука роты остаться со мной и помочь устранить неисправность, а сам с экипажем уехал догонять колонну. Неисправность же оказалась такая, что пришлось разъединять гусеницу. Мы закончили ремонт, когда стало темнеть. Доехали до главной магистрали – совсем темно стало. Политрук, сидевший в башне кричит:

- Митя, давай переночуем, а утром догоним своих.

Я остановил машину. Заглушил мотор. И в танке стало слышно, как где-то снаружи бурлит вода. Мы этому не
14

придали значение. А утром политрук открыл крышку люка, вскрикнул и куда-то исчез. Я подумал, что его кто-то ударил по голове. Осмотрелся. Никого нет. Открыл свой люк, вылез на броню и ужаснулся. Правая гусеница нашего танка наполовину висела над пропастью, внизу которой kloкотал мутный поток воды. Хорошо, что край обрыва там был каменистым, достаточно прочным. Если бы еще метра полтора мы проехали вперед, то покоились бы с политруком на дне быстроточной реки, погибнув без боя и без славы.

- Вероятно, у Долгова счастливая судьба,- пришли к единому мнению однополчане, обсудив в экипаже случай с моим танком.

В 1965 году попала мне в руки книга «Это было на Крайнем Севере», в ней произошедший эпизод с нашим танком описывался, но с большим искажением и фамилия механика-водителя была указана почему-то другая.

Еще более невероятный случай произошел с «Щорсом» позднее, тогда во время боя снаряд пробил бортовую броню танка, пробил стенку двухсотлитрового бака с дизельным топливом и разорвался внутри него. Мое место старшего механика-водителя находилось в передней части машины. В

сплошном грохоте боя я не услышал треска. Но вдруг вижу, что ноги мои в газойле, которая разливается по днищу, а рядом со мной лежит осколок от снаряда. Когда, выбрав момент, я взял его в руки, осколок был еще теплым. После боя больше всех удивился командир полка полковник Аршиневский:

- Как же это так случилось, снаряд, пробив броню, разорвался внутри танка и ни кто из экипажа даже царапины не получил?

- Это просто чудо – говорили одни однополчане. – Судьба у них такая, - говорили про нас другие.

Вообще в бою танкисты часто погибали от разрывов собственного боезапаса. И в нашем случае, если бы снаряд попал чуть ниже, в боеукладку, не было бы ни нас, ни танка.

Д.С. Долгов, получив в Челябинске танк КВ в апреле 1942 года, прошел с ним через всю войну и день Победы встретил в норвежском портовом городе Киркинес, иногда

15

на марше преодолевал такие преграды, что немцы приходили в изумление. Попав в плен они говорили:

- Как вы сумели проехать по этим дорогам на танках? Мы по ним пешком-то ходить боялись.

А однажды в бою среди гор у танка Д.С. Долгова была перебита гусеница. Немцы осадили машину со всех сторон. Пытались подорвать крышку люка гранатой. Забрасывали бутылками с зажигательной смесью. Танк горел. Но экипаж не сдавался. От огня броня накалилась так, что стало трудно дышать. И тогда младший механик Василий Чуприн пошел на риск. Вылез через нижний люк наружу и неожиданно напал на немцев. Уничтожив двоих, он кубарем скатился с горы и скрылся за деревьями. Обрато вернулся с подкреплением. Немцы бежали. Весь экипаж за мужество и стойкость был представлен к правительственным наградам. Танк отбуксировали в укрытие и после ремонта он вновь вернулся в строй.

К тому времени «Щорс» можно было сравнить с раненым бойцом. Враг дважды разбивал его ходовую часть. Топливный бак остался один. Башня вся вмятинах от

снарядов, один из которых попал в стык между корпусом и башней и заклинил ее. Так с неповорачивающейся башней KB преодолевал последние километры на пути к Победе.

«Пройти через войну на одном и том же танке удавалось немногим,- продолжал Дмитрий Степанович:

- Долгов, наверняка, родился под счастливой звездой,- утверждали мои многие друзья и товарищи. - Нет, не о счастливом случае и не о судьбе здесь нужно говорить, а закономерностях,- отвечал я им.- Мы же с вами видели, как работали в годы войны челябинские танкостроители. Танк «Щорс»,- это частица подвига тружеников тыла, материализованного нами-солдатами, в победу».

24 июня 1945 года гвардии старшина Д.С. Долгов с орденом Славы и медалями «За отвагу» на груди участвовал в параде Победы на Красной площади в Москве. Шагал в колонне Карельского фронта и принимал приветствие от самого товарища Сталина, стоявшего на трибуне Мавзолея.

16

В 1947 году, демобилизовавшись, он приехал к отцу в Троицк. Устроился работать инструктором в школу трактористов. Несмотря на то, что во всех анкетах в графе «образование» указывал четыре класса, его сослуживцы почему-то считали, что у него образование незаконченное среднее. Как-то в беседе директор техникума механизации предложил ему поступить учиться сразу на второй курс техникума.

— У меня аттестата за седьмой класс нет, — с сожалением ответил Д. С. Долгов.

.— А мы проведем эксперимент, — сказал, немного подумав, директор, — и примем вас без аттестата.

Так Д. С. Долгов стал студентом. Трудности в учебе для него представляли лишь общешкольные дисциплины. Пришлось просиживать за учебниками ночами. Месяца через два его перевели со второго курса на третий. И он окончил техникум с отличием за один год. Женится на самой красивой девушке курса Раисе Панфиловой. Получил направление на работу в

совхоз «Кочкар-золото», где директор хозяйства посмотрел его документы и говорит:

— Да, с твоим дипломом хоть сейчас без экзаменов в институт поступать можно.

— А почему бы и нет? — подумал про себя Д. С. Долгов.

Посоветовавшись с женой, они вместе поступили в Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства и, помогая друг другу, учились в нем без отрыва от производства. Воспитали двух сыновей. После защиты диплома в течение 33 лет работал В. С. Долгов в родном институте, вначале — старшим лаборантом, потом — преподавателем, а в 1979 году Высшая аттестационная комиссия при Совмине СССР присвоила ему ученое звание «доцент». Он еще работал бы на кафедре «Механизация животноводческих ферм», да инфаркт помешал.

17

Став пенсионером Дмитрий Степанович в день своего рождения получал много поздравлений от родных, близких, товарищей по институту и от своих многочисленных учеников, которые работают сейчас во всех районах Челябинской области и далеко за ее пределами.

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

В составе 3-го корпуса 5-й танковой армии мы обходили Курскую дугу, хотели сделать «котел» немцу. Техники там было много, и оккупантам крепко досталось, но и нам попало. Болванка ударила с той стороны танка, где я сидел, танк не загорелся, но в, глазах все замелькало, не помню, как меня вытащили из машины. Так я впервые на себе испытал, что такое контузия. После чего два месяца пролежал в госпитале, потом недели три пребывал в части без дела, ждал, когда получим новую технику. В войну нас, механиков-водителей, ценили, а я к тому времени уже имел

опыт боев и орден. Когда пришли новые танки, командир сказал: «Садись, езжай, будем воевать».

Я в своем танке возил командира роты. Однажды в Белоруссии на трассе Березино—Минск ночью, четыре танка нашей роты настигли отступающую колонну немцев длиной с километр. Трасса пролегла через непроходимое болото, чуть сойдешь в сторону от дороги - болото тут же засасывает. На минуту включили фары. В лучах света увидели, что в колонне двигаются войска, военная техника и какие-то повозки, на которых сидят гражданские лица. Это нас смутило. Кто такие? Командир по радиации запросил: «Что делать? «Ты что к теще на блины поехал? Не знаешь, что делать?»— последовал ответ. «Будем давить», — принял решение, командир. Выстроившись в два ряда, танки, рванулись вперед и проутюжили всю колонну от конца, до начала. Осмотрев свою машину после этой операции, я до сих пор не могу понять, каким образом колеса от немецких автомашин на башне моего танка оказались.

18

Продолжая движение, переехали через Березину, а там нас уже ждали. Немцы устроили засаду. Они нас видят, а мы их нет. Мост сзади нас взорвали. Не успели мы опомниться, как наша машина загорелась, командир убит. Мы с радистом выбрались через аварийный люк наружу. Все четыре танка горели. Ползком вдоль кювета добрались до реки и вдоль берега ушли в сторону хутора, где нас накормили и напоили молоком местные жители.

Позднее мы узнали, что все четыре наших танка были буквально изрешечены в том бою. Трупы танкистов обгорели до неузнаваемости и стали разлагаться, так как стояла жаркая погода. Поэтому на всех членов экипажей, в том числе и на нас, усадили в тыл похоронки. И вдруг мы являемся в часть живыми и невредимыми. Командир удивился и даже обрадовался, а сам взял и послал нас в особый отдел, где нам неделю голову морочили: «Как это так, все погибли, а вы живы?..»

В апреле 1945 года мы перерезали шоссе Потсдам - Берлин и получили приказ никого не пропускать. Но все уже

чувствовали, что победа близка, 6 мая мы всю пировали. А 8 мая — ракеты, гармошка, поздравления и слезы радости. Русланова в Берлин приехала, 9 мая она уже была там. Комбриг вызвал к себе и приказал: «Выставляй караул, поедем в Берлин Русланову слушать».

Так вспоминал о войне Николай Иосифович Фоменко. Это была последняя встреча с ним. Рассказывают, что перед смертью его спросили: «Страшно ли умирать?» Он спокойно ответил: «Вот когда я два раза в танке горел, тогда было страшно, а сейчас нет, ведь у меня два сына здесь остаются. — И, немного помолчав, добавил: — Я очень доволен тем, что прошагал по этой жизни не как-нибудь и не кем-нибудь, а строителем».

Николай Иосифович работал прорабом в «Коксохимстрое» и «Заводстрое», затем возглавлял ремонтно-строительное управление; участвовал в строительстве многих цехов металлургического, электродного, машиностроительного и других заводов Челябинска. А перед уходом на пенсию занимался

19
строительством сельских объектов, оставив тем самым после себя добрую память и неизгладимый след на земле.

ЧЕРЕЗ ТРИ ВОЙНЫ

Жителю Металлургического района города Челябинска Василию Петровичу Полушину в канун 50-летия Победы исполнилось 76 лет. За его спиной остались огромная жизнь и три войны. «Если бы вы пораньше меня спросили о войне, я бы вам рассказал больше, а сейчас многое уже забылось», — признался он. Но в беседе выяснилось, что отдельные эпизоды из своей боевой молодости Василий Петрович помнил до мельчайших подробностей. О боях в Финляндии, начавшихся зимой 1939 года, он рассказывал так, как будто они проходили совсем недавно: «На Карельском перешейке в тот год снегу выпало метра полтора, в сугробах лошади застревали, а морозы стояли такие, что бутылка водки в кармане замерзала.

Наша колонна двигалась по дороге походным маршем, впереди разведка, за ней боевое охранение — взвод лыжников, а потом уже танки, семидесятки и бэтэушки, экипаж которых состоял из двух человек. По сравнению с современными танками это спичечные коробки, воду возить не годятся, а тогда были оружием грозным. Разведка доложила, что впереди в сосняке засада, эскадрон финской кавалерии, укомплектованный женщинами, хорошо вооруженными, при шашках. «Ну шашками они нас в танках не зарубят», — заметил я в разговоре с разведчиками. И мы быстро сориентировались на местности, окружили сосняк, закрыв к нему все входы и выходы. Позднее нам стало известно, что женщины эти из финского батальона смерти, были посланы в засаду для встречи наших лыжников, а вместо лыжников появились танки, и женщины растерялись. Да и нам с бабами как - то не с руки было воевать. Я вылез из танка и через рупор предложил финкам сдаться без боя, но ответа не последовало. Тогда мы сделали выстрел из пушки. Снаряд сразил крайнюю лошадь, у всадницы оторвало ногу, она упала в снег и сильно закричала. Жалко,

20

конечно, женщину... Если бы мы выстрелили из Т-34, то положили бы много, а у нас пушка-то была 36-го калибра. Но этого выстрела оказалось достаточно. Финки стали сдаваться, мы насчитали их 73, одеты они были в ослепительно белые полушубки; молодые, стройные, красивые, косы вокруг головы заправлены, все как на подбор, любую можно было с ходу замуж брать. Зачем они в батальон смерти пошли — не знаю. Многие из них хорошо владели русским, плакали, говорили: «Мы ведь не знали, что вы такие». Их построили и увели в одну сторону, коней — в другую, а мы продолжили свой путь.

На Карельском перешейке от Ладожского озера до Финского залива финны 12 лет, с 1927 по 1939 год, строили систему укреплений шириной в 135 километров по фронту и глубиной в 95 километров, состоящую из более двух тысяч долговременных огневых сооружений, и называли эту систему именем своего маршала: линией Ман-гергейма.

Перед нами эти укрепления предстали в виде густого ограждения из колючей проволоки, находящейся под электрическим током. Мы послали одного разведчика — не вернулся, второго — тоже не вернулся. Больше посылать не стали. Пытались сделать прострел, но эффекта не получили. Много нашей пехоты полегло там, ведь основу укреплений составляли сооружения, три этажа которых находились под землей, а над землей — железобетонный колпак с полутораметровым слоем резины. Ни снаряд, ни бомба такие крепости не брали. Но наши летчики приспособились, вначале сбрасывали бочки с бензином, а потом уже бомбы. Резина хорошо загоралась, дела пошли. Как только эту линию укреплений прорвали, финны сразу начали сдаваться, и мы получили приказ прекратить огонь.

А незадолго до окончания войны произошел такой случай: на пути моего взвода из четырех танков в труднодоступном месте оказалось пулеметное гнездо противника. Для танка пулемет не представлял угрозы, но за нами шла пехота, поэтому это гнездо подлежало обязательному уничтожению. На танке же до него добраться 21

было невозможно. И тогда мы, втроем, покинув машины, через занесенный снегом кустарник зашли к пулеметчику с тыла. Он огонь вел непрерывно, чувствовалось, что патронов ему не жалко. Пулеметное гнездо напоминало колодец: железобетонные стенки с прямоугольной амбразурой, а верх открытый. Выбрав удобный момент, я прыгнул на пулеметчика сверху. Он успел выстрелить и прострелил мне ногу. Но я его тут же придавил. Я ведь не таким был, как сейчас, гусеницу весом в 18 пудов переставлял с верстака на верстак. Это теперь я никто, — с грустью сделал отступление Василий Петрович, — позавчера мешок с сахаром весом всего-то пуда три еле-еле на пятый этаж затащил. А пулеметчик тот оказался смертником, прикованным к пулемету цепью. Мы его расковали, посадили в танк и увезли в Ленинград.

В Ленинграде меня поместили в госпиталь для лечения и прямо на больничной койке вручили орден Красного Знамени. Бригадный комиссар, выступая с речью при

вручении ордена, особо подчеркнул случай с финками, сказав, что Полушину удалось их пленить и спасти жизнь 73-м будущим матерям.

Война с Финляндией послужила хорошей репетицией перед Великой Отечественной, тогда выявились с одной стороны просчеты в военной подготовке, а с другой — огромный потенциал Красной Армии. Перед началом наступления нас особенно волновала позиция Польши и Турции, которые симпатизировали финнам, и мы ждали, выступят их вооруженные силы или нет. Но когда армада Красной Армии пришла в движение, разговоры на эту тему притихли. И сразу родилась и широко распространилась в войсках солдатская прибаутка: «Дядя Сема не горит, а только поддерживает горение».

После окончания войны с финнами все наши командиры возвратились в свою часть. А меня из госпиталя, как орденноносца, направили на оперативную работу в Москву, для службы в гарнизоне Кремля. Девять месяцев я дежурил

22

на кремлевском пропускном пункте, проверял документы, выворачивал карманы людям. Из известных руководителей часто встречал М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, познакомился с дочерью Л. М. Кагановича, правда, через металлическую ограду, но служба такая меня тяготила. Раз пять я писал рапорт с просьбой отпустить меня в строевую часть. И, наконец, получил направление в танковый полк, где вновь досталась мне «семидесятка». На третий день войны с Германией я уже горел в ней.

Это случилось в бою с немецкими танками. Их было значительно больше, они шли лавиной. Снаряд пробил бак с горючим, газойль попала на одежду и загорелась. Я вывалился из танка, ох как тогда было больно, никому не желаю испытать такое. Я уже ничего не видел и потерял сознание. Кто-то сорвал с меня горящую одежду, очнулся на носилках. Мы отступали, в госпиталь я не попал, нас, раненых, передавали из санчасти в санчасть, пока мы не

оказались под Минском. Здесь дали мне в руки винтовку, и всех, кто мог держать оружие, бросили против наступающего врага. А потом стали разбираться, кто есть кто. Я говорю:

- Я воентехник, лейтенант.

- А где документы?

— Сгорели вместе с одеждой.

- Дать ему старшего сержанта.

Но вошел комбат и определил: «Ефрейтора ему присвоить!» Вот так. Тогда с нами не церемонились. Но в первом же бою под Слуцком, находясь в засаде, я подбил два танка, стрелять-то умел. Орденами и медалями в то время награждали редко. А мне после боя сразу дают орден и звание старшего лейтенанта. Я говорю: «У меня звание-то было воентехник, лейтенант». «Я не знаю, кем ты был, я вижу, кто ты есть», — сурово ответил комбат и приказал принимать роту.

Под Витебском мой счет подбитых танков увеличился еще на два. Немцы тогда ехали вдоль улицы, а мы на своей семидесятке выскочили из переулочка... Но в следующем

23

плотном бою с немецкими танками военная удача не сопутствовала нам. Тяжелый снаряд почти переломил нашу машину пополам, пушку с башней отбросило метров на десять, механик-водитель погиб, а я оказался в Ярославском госпитале. Судьба так распорядилась, что за войну мне пришлось выдержать 76 больших и маленьких боев и 4 раза оставаться в танке живым одному из всего экипажа. — В этом месте старый танкист на некоторое время прервал свой рассказ, справился с минутной слабостью от нахлынувших воспоминаний, смахнул непрошенную слезу, вновь улыбнулся и продолжал. — После выздоровления направили меня в Челябинск на формирование. Вот здесь мы уже пересели на Т-34. Наша часть располагалась в Косовском саду за железнодорожным вокзалом, в Ленинском районе. После получения и освоения новой техники нас перебросили под Сталинград. Мой батальон, в 19 танков, определили для охраны штаба армии В. И. Чуйкова. Здесь в дни жарких

сражений лично В. И. Чуйков вручил мне орден Отечественной войны.

Находился я тогда при штабе. Жил в блиндаже вместе с генералом Н. С. Хрущевым. Бывало, утром ухожу в бой, а Никита Сергеевич потягивается, свою генеральскую карту раскладывает. Однажды меня спросил командарм:

- Как отдохнул?

- Плохо, говорю, генерал Хрущев опять всю ночь храпел, как мотоцикл, спать не давал.

— Ну, хорошо, я укажу тебе другое место для ночлега, — сказал В. И. Чуйков. И правда, как только следующий блиндаж выкопали, он выделил для меня в нем место.

После Сталинграда сильные бои развернулись в Ростовской области. Город Ростов-на-Дону четыре раза переходил из рук в руки. На его окраине, в Заречье, располагался лагерь для советских военнопленных, более трехсот тысяч красноармейцев томилось в нем. После освобождения города 30 тысяч из них похоронили в братской могиле. Эта могила и сейчас есть, кажется, на улице Карла Маркса.

24

Мы спешили на помощь узникам ростовского лагеря, но во время боя в нашем танке лопнул снаряд, машина сразу загорелась. Я находился в башне и сумел выскочить наружу и тут же попал под пулеметный огонь, получил ранение в шею, после чего еще два с половиной месяца пролежал в госпитале.

Потом догонял свою часть. Участвовал в освобождении Киева и взятии Кенигсберга. А из-под Кенигсберга нас перебросили на Дальний Восток. Предстояло участие еще в одной войне, с Японией. Перед переходом китайской границы нас, всех комбатов, собрал командующий корпусом генерал-полковник Чичибас и сообщил, что, по данным разведки, дороги в Маньчжурии после продолжительных дождей для танков стали непроходимыми, поэтому будем во.евать на железной дороге. В условленный час наши танки по шпалам высокой железнодорожной насыпи двинулись вперед. Поезда расстреливали, вагоны расталкивали, а

больших боев не было. Едва увидев краснозвездные машины, японцы сразу поднимали руки вверх, чтоб только мы не стреляли. Но был случай, когда наш танк застрял, ни взад, ни вперед, а впереди одиночная цель, убегающий японец. «А вдруг это ихний разведчик? Он же все расскажет», — размышляли мы. Пулемет его не доставал, пришлось выстрелить из пушки.

За всю войну с Японией в моем батальоне погибло всего четыре человека, и то это так — пошел в туалет солдат и не вернулся. А когда я передавал танки, все 120 машин оказались исправными, не было на них ни одной царапины.

После окончания войны существовал такой порядок: откуда тебя в армию призывали, туда ты и должен был вернуться. Я вернулся в Златоуст, купил домишко, работал начальником лесоучастка, потом был на выборной должности, председателем райисполкома, а трудовую деятельность завершил смотрителем зданий на железной дороге. Сейчас вновь работаю, сторожем в столовой: на одну пенсию жить стало нелегко. Сбережения, 5 тысяч рублей, которые я скопил на старость, когда-то считались

25
большими деньгами, машину купить можно было, теперь, после так называемых реформ, на них бутылку водки и то не купишь. Последней радостью моей стали дети и внуки. На День Победы они все приезжали ко мне. И был этот день для меня самым большим и светлым праздником»

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

128-й танковый полк 57-й Отдельной бронетанковой дивизии, в которой я проходил службу, до мая 1941 года находился в Монголии. А затем пришел приказ о передислокации в район Киевского военного округа. Полк погрузился в эшелоны и двинулся на запад, строго соблюдая при этом условия секретности, поэтому путь наш пролегал не напрямую, а через Турксиб, и находились мы на колесах полтора месяца. Выезжали в мирное время, а в Проскурово,

так раньше назывался город Хмельницкий, нас уже бомбили немецкие самолеты. Началась война.

Наш полк отличился в боях с самураями на реке Халхин-Гол и приобрел там значительный опыт боевых действий, но на вооружении имели лишь легкие танки старого образца — Т-26 и БТ-5.

В районе Щепитовки мы пересекли западную границу Украины, переправились через реку Горынь и с ходу выбили немцев из города Острог. А когда танки отошли на заправку, немец опять захватил город. Мы повторно выбили его и заняли оборону. Противник же больше не стал «искушать судьбу» и обошел город с флангов. Нам ничего не оставалось, как отойти на Киев. А из-под Киева дивизию бросили под Оршу и Смоленск, где развернулось жесточайшее сражение. Там было столько немецких самолетов, что они гонялись за каждой нашей машиной. Как даст броневой, так от танка — решето. Комдив полковник Мишулин, раненный в голову, узнав о тяжелом положении дивизии, вырвался из госпиталя и самовольно прибыл на передовую. Мы дрались до последнего танка. А

26

после этого продолжали драться в рядах пехоты за каждый дом, за каждую улицу.

Немцы высадили десант и окружили штаб. Все, кто мог держать оружие, вступили в бой. Десант отбили, но я получил ранение в обе ноги. Понимаете, что это такое — остаться в критический момент недвижимым?..

Шум боя на некоторое время затих. Штаб и раненых готовили к эвакуации. Меня уложили на телегу рядом с батальонным комиссаром, тоже раненным в ногу и с перебитой рукой. Его рука безжизненно болталась и уже почернела.

Кто-то крикнул: «Воздух!» Над вершинами деревьев появились немецкие самолеты, и тут же начали рваться бомбы. Содрогнулась наша телега, и упала убитая наповал лошадь. Комиссар открыл глаза и внятно сказал: «У меня уже гангрена, я это чувствую. Кто останется в живых, расскажите обо мне моей семье». И, неожиданно вынул

пистолет, выстрелил себе в висок. По обеим его щекам потекли струйки крови. Вскрикнул и заплакал его адъютант. Неизвестно, кто схватил меня сзади и поволок в сторону от дороги. Телега с телом комиссара осталась стоять на месте...

Санчасть располагалась в школе, она была буквально переполнена ранеными. Мне успели обработать и перевязать раны, как вошел военврач и объявил: «Мы в окружении. Кто может, идите на трассу, там есть возможность присоединиться к выходящим из окружения группам».

Приехали немцы, погрузили и отвезли нас всех в деревню, разместили у местных жителей, по пять человек на избу. Лечения, конечно же, никакого не было. Питание только то, что раздобудут хозяева. Постепенно я стал на одну ногу наступать. Хозяйка рассказала, что за огородами лежит в снегу убитая лошадь. Нарубили конины, стало немного легче. Оправившись, почувствовав силу, раненые уходили. Немцы заметили это и загнали нас в бараки, за колючую проволоку. Началось существование в плену. Перебрасывая из лагеря в лагерь, нас привезли на берега Ла-Манша, где с утра до вечера заставляли строить

27

оборонительные укрепления на побережье, предполагая, что именно здесь высадятся англо-американские войска. А союзники высадились совсем в другом месте. У немцев началась суматоха, они срочно приступили к эвакуации лагеря. Мы воспользовались моментом и спрятались в садах. А вечером один француз укрыл нас в подвале. Через несколько дней пришли союзники. Объявили нам о том, что мы свободны. Построили. Прибыло начальство: французы, англичане, американцы и представитель СССР генерал Ратов. «Кто желает поехать на жительство в Канаду? Три шага вперед!» — обратился к нам английский офицер. Стоящий рядом со мной лейтенант Зеленин предложил: «Пойдем». «Нет, — ответил я, — у меня дома семья, отец, четыре брата». Вперед вышло несколько человек. Англичанин повторил свой вопрос. Зеленин опять хотел

шагнуть вперед, но передумал. Англичанин повторил вопрос третий раз. И Зеленин покинул строй.

А нам, оставшимся, объявили, что едем в Англию на сборный пункт, а оттуда пароходом — в СССР, на период же пребывания в Англии, по просьбе Советского правительства, нас поставят на довольствие английского солдата. После чего всех переодели, выдали английское обмундирование: шинель, костюм, ботинки, пилотку, две пары белья, два полотенца, зубной порошок и щетку, мыло, два носовых платка. Ну, а чтобы мы не бездельничали, использовали нас на разборке защитных ограждений на побережье. Кормили хорошо. Обед, например, состоял из следующих блюд: суп мясной, отбивная котлета с гарниром, жареная рыба, кусочек торта или бисквита, варенье клубничное или вишневое, кофе или молоко, хлеб белый без нормы.

Но как ни хорошо было в гостях, мы с нетерпением ждали возвращения на Родину. И вот, наконец, кончился на море шторм. Объявили посадку на пароход. Двойственное чувство владело тогда нами. Грустно было расставаться с доброй, приютившей нас Англией и радостно оттого, что мы едем домой.

28

Обогнув Европу, пройдя через Гибралтар, сделал остановку на острове Мальта, а затем через проливы Дарданеллы и Босфор мы прибыли в Одессу.

Печальные известия ждали меня на Родине. Все четыре брата погибли под Ленинградом, отец умер, а жена вышла замуж за другого. Война уже заканчивалась. Что-то нужно было предпринимать. И я обратил внимание на вербовщика, приехавшего со строительства Челябинского металлургического завода, это послужило поворотом в моей судьбе. Я стал строителем». Произнося эти слова, Борис Потифорович Ельмеев оживился, у него по-молодецки загорелись глаза, он начал перечислять объекты, в строительстве которых принимал участие: доменная печь, мартеновский цех, блюминг № 1, конвертерный цех, дома по улице Сталеваров...

«Да я почти весь соцгород построил», — с гордостью закончил он свой рассказ.

Старшее поколение челябметаллургстроевцев хорошо помнит Б. П. Ельмеева, классного плотника, умелого бригадира из Прокатстроя: Пройдя через все испытания военного времени, он не утратил жажды жизни. Здесь, на строительстве Челябинского металлургического завода, встретил удивительную, боевую дивчину, Клавдию Васильевну Нестерову, приехавшую на стройку из далекой деревеньки Ясенки Курской области и работавшую помощником машиниста парового железнодорожного грузоподъемного крана. Ее невозможно было не полюбить. Вместе, в мире и согласии они прошагали по жизни. Вырастили двух сыновей. «Один сын работает электриком в Ленинграде, другой — электросварщиком шестого разряда на ЧТЗ. Оба не пьют и не курят», — с нескрываемой нежностью говорит о них Клавдия Васильевна. Приезжает из Магнитогорска навестить отца и первый сын Бориса Потифоровича. Подрастают внуки. Жизнь продолжается.

РАССКАЗ СТАРОГО ТАНКИСТА

29

СРЕДИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ НАГРАД ПОЛКОВНИКА В
ОТСТАВКЕ КОВАЛЕВА АНДРЕЯ МАТВЕЕВИЧА, КРОМЕ
«ЗОЛОТОЙ ЗВЕЗДЫ» ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ОРДЕНА
ЛЕНИНА, ЗНАЧАТСЯ ОРДЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО,
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ, ДВА ОРДЕНА КРАСНОЙ
ЗВЕЗДЫ И ЦЕЛЫЙ КОМПЛЕКТ МЕДАЛЕЙ. РОДИЛСЯ ОН В
1916 ГОДУ ПОД ВОРОНЕЖЕМ. В 1939 ГОДУ ОКОНЧИЛ
САРАТОВСКОЕ ТАНКОВОЕ УЧИЛИЩЕ. С 1995 ГОДА ЖИВЕТ В
ЧЕЛЯБИНСКЕ. В 85 ЛЕТ ЗДОРОВЬЕ У НЕГО ПОШАТНУЛОСЬ.

ВРАЧИ РЕКОМЕНДОВАЛИ ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ.

РАЗГОВАРИВАТЬ ЕМУ СТАЛО НЕЛЕГКО. НО КОГДА РЕЧЬ
ЗАШЛА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, В ЕГО
ГЛАЗАХ, ТОЛЬКО ЧТО КАЗАВШИХСЯ ПОТУХШИМИ,
ЗАСВЕРКАЛИ ЗАДОРНЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ОГОНЬКИ, ОН
ВОСПРЯНУЛ, СЛОВНО ПОМОЛОДЕЛ НА НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ
ЛЕТ.

«Воинская часть, в которой застала меня война, располагалась вблизи населенного пункта Судовая Вишня за Львовом, — вспоминал он. — Я тогда уже был командиром танковой роты. С 21 на 22 июня заступил в наряд дежурным по гарнизону. Все шло по распорядку. Закончился развод караулов. Прозвучал в ротах отбой. И вдруг в 12 часов ночи в часть прибыл командир полка и приказал объявить боевую тревогу. Посыльный по штабу схватил висевшую на стене сирену, стремглав выбежал на плац и гарнизон огласился протяжным, завывающим сигналом тревоги. В нашей части были предусмотрены три пункта сосредоточения войск по тревоге: учебный, учебно-боевой и секретный. Комполка приказал сосредотачиваться в секретном. До обеда следующего дня мы пребывали в полном неведении того, что случилось. И только из сообщений по радио узнали о нападении гитлеровцев на нашу Родину.

С рассветом 22 июня немецкие самолеты появились над оставленным нами военным городком, сбросили несколько бомб и, убедившись, что городок пуст, улетели.

Началась война. В первый бой мы вступили в районе села Берестечко. Здесь наш 8-й танковый корпус ударил во фланг наступающей группировки и казалось, что весь мир раскололся на две половины. Лучи солнца не могли пробиться через пелену дыма и пыли, поднимающейся над

30

полем боя. Обе стороны понесли большие потери. В итоге одна половина нашего корпуса ушла на восток, другая с боями отходила до самого Нежина, где по прибытию нам зачитали приказ: «Танки сдать, а комсостав отправить в резерв в город Владимир».

После марша в отступлении, непрерывных боев, сгоревших танков и прощаний с погибшими товарищами тыловой город Владимир показался на редкость тихим и спокойным. В нем работали все учреждения, магазины, кинотеатры и только большое количество военных на улицах напоминало о войне. В то время каждый военнослужащий имел при себе собственную ложку, обычно хранившуюся за голенищем сапога, а у меня таковая отсутствовала. Однажды, пообедав в ресторане, я прихватил

с собой ресторанскую ложку, подумав, что после войны верну им дюжину таких ложек. Сейчас, спустя 60 лет, я каюсь перед Владимировнами за этот поступок. А тогда я обзавелся хорошей ложкой, установил в своей комнате топчан и завалился спать. Но среди ночи меня вызвали в штаб и объявили о назначении командиром батальона 18-й танковой бригады, которая уже грузилась для отправки на фронт.

Первый бой бригада приняла под Гжатском, пытаюсь сдержать рвавшегося к Москве врага. Потом с боями отступала мимо Бородинского поля по Можайскому шоссе. Здесь я с шестью легкими танками, Т-26 и БТ оказался зажатым между немецкой танковой колонной и артиллерией противника. Прорваться к своим удалось только одному Т-26. В скоротечном бою мы сумели поджечь два немецких танка. Но под жалюзи турбины воздушного охлаждения двигателя нашего БТ попала мина, и танк загорелся. Выбравшись из горячей машины, мы побежали в сторону леса, вокруг меня поднималось множество фонтанчиков пыли от посылаемых нам вдогонку пуль. Когда забежали в лес, я первым делом проверил свои ребра, они оказались целыми. Ну, думаю, значит жив. Всю ночь пробирались мы по лесу, неся на себе раненого товарища. Утром вышли к своим. Получили новые машины и — снова в бой. К тому

31

времени мы уже знали тактику фашистов. Они прятались в придорожных кустах и забрасывали наши танки гранатами. Поэтому на марше, когда поблизости появлялись подозрительные кусты, я открывал люк и простреливал их из автомата. И однажды получил из кустов ответную очередь. Одна из пуль, ударившись о крышку люка, рикошетировала и угодила мне в лицо. С перебитым носом я свалился в люк. Это было мое первое ранение. Санитары оказали помощь, перевязали рану, но в госпиталь я не пошел, остался в своей бригаде.

Последним пунктом моего отступления стал рубеж обороны в районе села Агарково и Павловской слободы, у самых стен Москвы. В это время все мы — солдаты и

командиры – догадывались, чувствовали и делились между собой информацией о том, что это наступление немцев последнее, гитлеровские полчища выдыхаются. Они, как и наши войска, находились в состоянии усталости последней степени. А в это время на помощь Москве прибывали с востока свежие воинские части. 5 декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой, которое продолжалось до 7 января 1942 года и перешло в общее наступление на Западном направлении.

В декабре грянули сильные морозы, такие, что нередко танки вмерзали гусеницами в землю. Работать приходилось на подогреве. И в этом случае мы оказались лучше подготовленными, чем наш противник. Я же в контрнаступлении под Москвой не участвовал, так как нас, человек 20 фронтовиков, отозвали в Москву для формирования новых частей для Северо-Западного фронта, где мне поручили командование 149-м отдельным танковым батальоном, насчитывавшим 5 танков КВ и 20 танков Т-34. Это была сила.

...Утром 3 ноября 1943 года началось освобождение Киева. Накануне наступления вся партийно-политическая работа в войсках проводилась под девизом «Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября». 6 ноября сопротивление противника было окончательно сломлено. Столица

32

советской Украины стала вновь свободной. Наша 55-я гвардейская танковая бригада в город не входила, а в составе 3-й гвардейской танковой армии вела наступление, охватывая Киев с юго-запада, взяла с боем город Васильков и оказалась в тылу у противника. В бригаду прибыл командарм Рыбалко и поставил новую задачу: продвинуться на запад на несколько десятков километров, занять населенный пункт Паволочь и удерживать его. Вновь полетела под гусеницы танков орошенная осенним дождем дорога мимо разграбленных и разрушенных украинских сел и деревень. На марше я перешел из танка в автомашину со снарядами, чтоб в кузове немного перекусить. Вдруг слышу выстрел. Отодвинул брезент и вижу: стоит вдоль дороги

целая шеренга немецких солдат. Оказывается, отступая, они здесь устроили привал. Появление же наших танков для них оказалось как снег на голову.

В Павлолочь бригада вошла без единого выстрела. Враг бежал. Из леса вышли партизаны и сообщили, что на железной дороге разгружается эшелон с немецкими танками. Комбриг Д. А. Драгунский приказал мне возглавить подвижную группу из двух танков, двух 76-миллиметровых орудий, двух 152-миллиметровых минометов и 20 бойцов партизанского отряда, выдвинуться на запад еще километров на 20, произвести разведку и выяснить, что это за немецкий эшелон с танками. Партизаны лесными тропами провели нас к железной дороге. Сквозь ветви деревьев мы увидели, как разгружаются танки врага. Но что это за танки, сколько их и с какой целью они появились здесь, можно было узнать, только взяв «языка». Чутье подсказывало, что где-то поблизости должен быть выставлен дозор противника. Мы обнаружили его в составе трех танков, стоявших на окраине села между домом с палисадником и лесным массивом. «Если ударить по ним из леса, экипажи побегут в палисадник, так как бежать им больше некуда», — подумал я и решил действовать без промедления. Получилось так, как предполагалось. Когда один танк загорелся, танкисты, покинув его, побежали в

33

палисадник, а там их поджидали партизаны. Пленные рассказали, что прибыл сюда танковый полк, имеющий приказ Гитлера во что бы то ни стало к 17 ноября вновь овладеть Киевом. Два других танка открыли по нам огонь. Выходя из-под обстрела, я лихорадочно просчитывал варианты. Было очевидным, что вражеский полк свежий, если он двинется по дороге в Павлолочь, наша потрепанная в боях бригада может не выдержать и враг прорвется к Киеву. Поэтому я пошел на риск. Решил устроить на дороге засаду. Место выбрал хорошее — с одной стороны сахарный завод, с другой — лес и речушка, а между ними бугор. Мы установили по обе стороны дороги пушки и минометы, а на флангах — танки. Всю ночь готовились к бою, вкапывали орудия и танки в землю. И вот наступил рассвет. Расчеты

замерли у орудий. Обстановка напряжена до предела. Пошли самые тяжелые минуты ожидания боя. Наконец послышался быстро нарастающий рокот, превратившийся в рев моторов приближающейся армады танков. Я находился в окопе у первого орудия, здесь же расположилась девочка-санинструктор. Увидев надвигающиеся танки, она обратила ко мне наполненные ужасом глаза и с дрожью в голосе проговорила:

— Товарищ капитан, я не хочу живой попадать в плен, пристрелите меня.

— Э, нет, Валюша, мы стреляться не будем!

От первого залпа наших орудий остановился и задымил первый танк, следующий за ним совершил разворот, подставив на какое-то мгновение свой борт, и тоже замер на месте. Немцы ответили, буквально засыпав нас снарядами из своих пушек. Вздымалась вокруг наших орудий земля, загорелись скирда соломы и стог сена, стоявшие неподалеку. Дым застилал глаза, а когда он рассеялся, мы увидели хвост уходящей танковой колонны противника. Немцы не знали, сколько нас, чем мы располагаем, и торопились выполнить приказ фюрера, поэтому решили не задерживаться здесь и пошли по другой дороге. Но на подступах к Киеву были уничтожены».

БОЛЬ И СОМНЕНИЯ ВЕТЕРАНА

Накануне нового 2002 года в совете ветеранов подсказали: на улице Куйбышева живет фронтовик-танкист С. И. Иванов, очень интересный человек, сходите к нему, запишите его воспоминания. На другой день встреча с Сергеем Ивановичем состоялась. Он сидел на диване и рассказывал: «До войны я окончил 7 классов в селе Тюбук. В июне 1941 года почти все жители села собрались на берегу озера Большой Аллак на массовое гулянье. Здесь проводился сабантуй — шумный, веселый праздник урожая. В озере отражалась синева безоблачного неба, ярко сверкали на солнце трубы духового оркестра, работали бубфеты,

проводились аттракционы, выступали артисты художественной самодеятельности. И вдруг после обеда мы узнаем, что началась война. Праздник сразу же закончился, а вместе с ним закончилась и мирная жизнь. Я поступил работать на завод вначале слесарем, затем помощником механика.

10 ноября 1943 года, в день, когда мне исполнилось 17 лет, я получил повестку о призыве в Красную Армию. В военкомате таких, как я, собралось человек 30. До Челябинска 120 километров мы шли пешком. По прибытии определили нас в 13-й учебный танковый полк, который располагался на берегу озера Смолино. Командовал полком генерал-лейтенант Левадный. На фронте он потерял ногу, ходил на протезе, опираясь на трость, и всем видом своим напоминал отважного, пропахшего порохом солдата. Я попал в экспериментальный взвод, в котором готовились командиры танков ИС. Ранее командирами таких танков назначались только офицеры, нас же выпустили старшинами. И в конце 1944 года мы отбыли на фронт.

На передовой сначала страшно было. А потом освоились. Настрой в бою был таков, что ко всему относишься равнодушно, выстрела со стороны противника не ожидаешь. Сквозь шум и грохот идешь куда приказано и делаешь все так, как надо.

35

Экипажи первых танков ИС состояли из пяти человек: командир танка, механик-водитель, командир орудия и два заряжающих. Вооружение его составляли 120-миллиметровая пушка и пулемет ДШК. Броня сильная. А двигатель слабоват. Развивать скорость приходилось через демумльтипликатор. Гусеницы более уязвимые, чем у Т-34, но надежнее, чем у немецких танков. В ближнем бою, когда пушку применить нельзя, танкисты нередко шли на таран, стремились ударить противника в наиболее уязвимые места ходовой части. Нам приходилось это делать, и нас немцы тоже ударяли. И каждый раз гусеницы ИС оказывались прочнее, так как у немецких танков они делались из прочной, но хрупкой стали, поэтому, когда во время удара

друг о друга гусеницы вступали во взаимодействие, у немецких танков они ломались, а у наших — лишь деформировались, а потом, пройдя пару раз через валки, принимали первоначальную форму.

Особенно сильные бои были в Венгрии, в районе озера Балатон. Там немцы, пытаясь прорваться на юг, атаковали по 5-6 раз в день. Однажды, когда мы расстреляли весь боекомплект, но горючее еще оставалось, нам передали приказ помочь пехоте, так как немцы пошли в психическую атаку. А штука эта неприятная. Они шли во весь рост с автоматами у живота, в меру пьяные, многие без головных уборов, с длинными волосами, не то что мы, нас-то наголо стригли. И несмотря на зиму, у некоторых рукава были закатаны до локтей. Стрелять нам было нечем. И мы просто ездили по живым людям. Меня удивило то, что гитлеровцы почему-то не разбежались и почти не пытались спастись. По возвращении в батальон мы обнаружили на гусеницах своей машины и кровь, и обрывки одежды, и частицы человеческих тел.

Через несколько дней мы поехали в тыл к немцам в сторону Будапешта, взяв на броню человек 9 разведчиков в главе со старшим лейтенантом пехоты. Поднявшись на возвышенность, увиделидвигающуюся колонну противника. Дал команду зарядить фугасным. Зарядили. А вот выстрелили или нет — не помню. Все сразу провалилось в

36

небытие. 13 дней я ничего не видел и не слышал, находился в полусознательном состоянии. А потом услышал голос старшего лейтенанта разведчика, он мне рассказал, что их всех тогда оглушило и взрывной волной сбросило с танка. По-видимому, болванка, имеющая форму снаряда с наконечником из высокопрочной стали, типа победита, пробила броню и закружилась внутри танка. Экипаж погиб. Лишь один я подавал признаки жизни. Получил ранение и старший лейтенант. Разведчики принесли нас в свою часть. Танкистов похоронили возле вокзала Секешфехервара, на их памятнике была и моя фамилия. Позднее захоронение перенесли в сквер и мою фамилию убрали.

Из госпиталя меня выписали с одним глазом, в другом до сих пор осколки сидят. «Осколки у него и сейчас выходят из головы, — включилась в разговор Галина Константиновна, супруга Сергея Ивановича, — в 1956 году удалили 9 осколков, в 1966 году — 5, а в 1983 — один. И вот видите шишку у него на голове, это еще один осколок выходит. Как-то пришла к нам пятилетняя внучка Лена и спрашивает: — Деда, а что это у тебя на голове? — Это у меня рог растет. — А почему только один, а не два?

И вот после такого ранения, полученного в 19 лет, его не демобилизовали, а направили служить в комендантскую роту».

- Да, — продолжал С. И. Иванов, — вначале я попал в военную комендатуру города Вены, а потом города Бадена, выполнял задание по вылавливанию власовцев. Вели власовцы себя нагло, переодевались в нашу форму, имели фальшивые документы, мороки с ними было много. Домой вернулся только 3 ноября 1945 года. Младший брат и мама с гордостью рассматривали мои ордена Славы и Отечественной войны, медали «За боевые заслуги» и другие.

Вначале работал на своем заводе, потом — преподавателем труда в школах Челябинска, был удостоен ордена «Знак Почета», стал отличником просвещения СССР. Организовал музей боевой славы в школах № 61, 71,

37

особенно много вложил труда в создание музея имени Н. И. Кузнецова в школе № 118, отдал туда все свои реликвии и даже документы. А какой это музей был, дверь откроешь — среди зала зажигается вечный огонь памяти и сразу же включается магнитофонная запись. Все это с приходом демократов повыбрасывали через окно. По этому поводу я ходил в городскую администрацию, но меня там даже слушать не захотели. Так стоит ли удивляться тому, что современная молодежь не желает служить в армии. А кто Родину защищать будет? В школе были прекрасно оборудованные мастерские, сейчас их ликвидировали, на их месте организовали танцевальные классы. И такое

отношение к воспитанию молодежи проявляется не только в школе. Включите телевизор — там деньги, секс, стреляют, дерутся, исчезли просветительные и познавательные передачи, исчез с экрана человек труда. Так кто же нас кормить-то будет?» — закончил таким вопросом свой рассказ Сергей Иванович и вопросительно посмотрел на нас. А нам ответить ему было нечего. С чувством неловкости и стыда за то, что делают в нашей стране реформаторы, мы попрощались с ветераном.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Николай Михайлович Мухин участвовал в Курской битве в должности начальника вооружения танкового батальона. В одну из послевоенных встреч с молодежью он рассказывал о своей службе:

«Еще один снаряд разорвался, не долетев до старого раскидистого дуба, подняв вверх массу грунта и разметав в стороны кустарник и мелкие деревья, после чего грохот боя стал быстро затихать. Багровый диск солнца скрылся за верхушками деревьев, и горизонт окрасился в огненно-оранжевое зарево, которое было трудно отличить от пожарища горевшего селения. Заканчивалась вторая неделя Курской битвы. С наступлением сумерек приступила к работе наша служба обеспечения танкистов боеприпасами. В ходе боя танки перемещались на значительные расстояния

38

и, израсходовав боеприпасы, останавливались там, где заставала их ночь. Без снарядов же танк — это все равно, что трактор. В июле ночи короткие и темные. Зная лишь общее направление движения танков, мы должны были найти их и укомплектовать боеприпасами, по сто снарядов на каждый танк. Иногда при наступлении дополнительно устанавливали по два-три ящика со снарядами на верху танка за башней. Разыскав танк, я взбирался на него, стучал сапогом по крышке люка и, обращаясь к командиру по имени, спрашивал его, сколько ему надо «огурцов», то есть снарядов. Передав ему заказ, мы ехали на своей ЗИС-5 искать следующий танк. Однажды мы потеряли ориентиры и

долго не могли найти следы своих машин. Наконец, присев и взглянув в темноту, я увидел на фоне серебряной полоски неба поблескивающий металлом силуэт танка. Мы обрадовались, подъехали к нему ближе. Я вышел из кабины и, взбираясь на танк, обратил внимание, что вроде бы на этом месте должна быть скоба, а ее не было, и башня показалась какой-то странной. Из щели пробивался свет. Взглянул в щель, а там, внутри танка, — немцы. «Это же вражеский танк», — догадался я. Спрыгнул на землю и как можно быстрее помчался к своей машине. Немецкие танкисты после дневного боя, вероятно, то же сидели без боеприпасов и на мое появление к ним «в гости» почему-то не обратили внимание.

В августе, после освобождения г. Богодухова, наши войска продолжили наступление на юг. Целый день ничего не евшие на автомашине с боеприпасами мы въехали в небольшое селение, поставили свою машину под деревьями во дворе крайнего дома. Впереди танки батальона вели бой за соседнюю деревню. С наступлением сумерек мы должны были начать их заправку. В огороде дома я увидел замаскированную 85-миллиметровую зенитную пушку, а возле нее никого нет. Гляжу, а по огороду ходит солдат-артиллерист и собирает помидоры, крупные, ярко-красные, у нас на Урале мне такие никогда не встречались. Я тоже сорвал несколько штук. И вдруг со стороны леса донесся звук авиадвигателя. Немецкий самолет приближался к селу.

39

Солдат бросился к орудию, сел на место наводчика, возле него появились другие артиллеристы. Все происходило мгновенно. Первый выстрел, и справа от самолета появилось белое облачко, после второго выстрела белое облачко появилось от него слева, а третий выстрел — точно в цель. Самолет загорелся и, разваливаясь на части, понесся к земле. А солдат-наводчик, как ни в чем не бывало, пошел продолжать собирать помидоры.

— Это он уже третий самолет так сбивает, — пояснили мне артиллеристы, восстанавливая маскировку своей пушки. Потом принесли ящик из-под снарядов, открыли его, а там — хлеб и соль, как раз то, что нужно к помидорам.

Помидоры те оказались такими вкусными, что я до сих пор проявляю к этому виду огородных овощей неравнодушие». После окончания войны Н. М. Мухин продолжал служить в армии, с 1967 года — в Челябинском областном военкомате. Последние годы жил в г. Чебаркуле.

СИНГУРОВСКИЙ ТАНК

Летом 1944 года танковый батальон Героя Советского Союза С. В. Хохрякова после ожесточенных боев освободил в Житомирской области село Сингуры, жители этого села со слезами на глазах рассказывали танкистам об унижении и издевательствах, пережитых ими в дни оккупации, и просили бойцов отомстить за кровь и страдания своих земляков, давали им наказ громить беспощадно врагов и поскорее изгнать их с родной земли. На счету танкистов батальона было много освобожденных селений, подобных селу Сингуры, и они вскоре забыли про него. Но осенью сингуровцы дали о себе знать. Оказывается, проводив батальон, они решили всем селом собрать средства, приобрести на них новый танк и подарить его танковому экипажу, отличившемуся при освобождении их села. О чем Анна Маевская, Серафима Прилипко, Анна Боровик и Лидия Кашкарева обратились с письмом к И. В. Сталину и просили его разрешить осуществить их задумку. Вскоре

40

пришел ответ от Верховного главнокомандующего с благодарностью к селянам за их патриотический почин.

Подаренный сингуровцами танк достался экипажу гвардии младшего лейтенанта Громова, а когда Громов пошел на повышение, командиром танка назначили Силантия Тимофеевича Илюхина. «Наиболее тяжелые бои, — вспоминал он, — мы выдержали на Сандомирском плацдарме, где сингуровский танк входил в состав танковой роты гвардии капитана Иванова. Враг тогда пытался сбросить нас в Вислу. Я получил ранение в плечо. В один из критических моментов рота была вынуждена отойти в глубь плацдарма, а до нас приказ об отступлении почему-то не

дошел, и мы оказались в окружении. Ночью вкопали танк в землю, перенесли из подбитых машин боеприпасы и еще двое суток держались на крохотном участке земли, уничтожили три БТР и до взвода гитлеровцев. После непродолжительной паузы враг возобновил атаку. Впереди его пехоты двигался танк, а у нас остался единственный подкалиберный снаряд. Мы берегли его на всякий случай. И вот этот случай наступил.

Над ржаным полем стелился голубой дымок от догоравших машин. Танк приближался.

— Подкалиберным заряжай! — подал я команду, забыв в этот миг о своем ранении, и не чувствовал в плече никакой боли. Экипаж замер от напряжения. Все понимали, что от этого выстрела зависит жизнь или смерть всех нас в танке. Когда «немец» подошел на дистанцию 400 метров, подал команду «Огонь!». Немецкий танк вздрогнул, качнулся пушкой к земле и остановился, окутавшись клубами дыма.

— Беречь патроны, — сказал я пулеметчику. Но пехота противника замешкалась, спряталась за горящий танк и прекратила атаку. Наш радист наконец-то установил связь с батальоном. Комбат дал команду отходить, но при отходе повернуть пушку стволом назад, чтобы наши артиллеристы не перепутали сингуровский танк с немецким.

За этот бой весь экипаж нашего танка был представлен к наградам. Мне вручили орден Красного Знамени. О своих

41

успехах мы сообщили в село Сингуры. С сингуровцами мы часто переписывались, их делегации не раз приезжали к нам в часть. Мы и впредь намеревались дружить с ними, но на территории Германии в наш батальон поступили новые танки Т-34 с пушкой калибра 85 миллиметров. А сингуровский танк мы передали в другую бригаду, о дальнейшей его судьбе мне ничего не известно».

Войну С. Т. Илюхин закончил в Праге. После войны служил в Уральском военном округе, а потом приехал в Челябинск и 16 лет, до выхода на пенсию, работал преподавателем труда в челябинской средней школе № 6. Выпускники этой школы до сих пор помнят своего учителя.

В День Советской армии и в День Победы он нередко получает от них поздравления. Читая их, молодеет душой, искренне радуется тому, что участвовал в воспитании нового поколения, готового повторить подвиг своих отцов и сделать Россию великой.

ВРЕМЯ ПИСАТЬ МЕМУАРЫ

Николай Иванович Жуков родился 19 декабря 1922 года на Таманском полуострове в г. Темрюке, где река Кубань впадает в Азовское море, буйно цветут сады, а город, расположенный между лиманами, утопает в зелени, но главной достопримечательностью этого края всегда являлось море. «Поэтому, — вспоминал Н. И. Жуков, — в 4 года я уже умел плавать, в 5 лет ходил на веслах, а в 8 лет — под парусами. Жизнь кубанцев после потрясений Гражданской войны быстро налаживалась к лучшему. Люди, не чувствуя больше над собой власти барина или господина, радовались новой жизни. О повышении цен в магазинах уже никто не говорил, наоборот, все ждали их снижения.

Среди нас, ребяташек, особой популярностью в то время пользовались значкисты, мы относились к ним как к орденоносцам и сами старались сдать нормы на значки ГТО, ГСО, ПВХО и «Ворошиловский стрелок». Для этого посещали кружки ОСОАВИАХИМа, дома же с увлечением

42

занимались самоделками: своими руками делали детекторные радиоприемники, фотоаппараты, кинопроекторы и т. д. Электричество в домах тогда было редкостью. Я смастерил самодельный аккумулятор и с его помощью освещал свою комнату, до полуночи просиживая над книгами. Книги в то время были дешевыми, познавательными и очень интересными. В городе работал кинотеатр, в котором демонстрировались захватывающий дух кинофильмы: «Как закалялась сталь», «Чапаев», «Тринадцать», трилогия о Максиме и др. Мы их по 15 раз готовы были смотреть. Перед нами раскрывались широкие

горизонты жизни. И вдруг — война. Германия напала на СССР.

29 июня 1941 года я уже был курсантом Сталинградского танкового училища. Дыхание войны чувствовалось всюду. Наш 5-й батальон располагался во Дворце культуры трамвайщиков, в зрительном зале мы разместили нары, а в подсобных помещениях — учебные классы. В свободное время строим и с песней «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет» мы ходили рыть окопы для пехоты вокруг Мамаева кургана. А практику проходили в цехах Сталинградского тракторного завода, своими руками собирали танки Т-34, оснащенные авиационными двигателями М-17, работающими на бензине. В сентябре наше училище вывели на левый берег Волги, а затем перебросили в г. Курган. Здесь мы завершили обучение и получили первые кубики на петлицы. В октябре нас переправили в Н. Тагил, где в цехах Уралвагонзавода продолжили практику на рабочих местах, для самих себя собирали танки Т-34. 23 февраля 1943 года отбыли на фронт. На башне каждого из 23 танков нашего полка были приварены таблички с надписью «Колонна танков «Свердловский комсомолец», построенная на средства трудящихся Свердловской области». По прибытии на фронт полк выгрузили на станции Сухиничи. В г. Киров Калужской области наши подразделения вошли, когда он был уже освобожден. Мы расположились в лесу, в

43

километрах пяти от города, и в бинокль наблюдали, как немцы бегают по соседнему селению и поджигают все, что только можно было поджечь. Так началась для меня война. Я занимал должность заместителя командира роты по технической части. В мою задачу входило вытаскивать с поля боя подбитые машины, ремонтировать их и вновь направлять в бой. Однажды комполка приказал мне заменить раненого командира танка. Полк двигался по кукурузному полю. Видимости — никакой. Кукуруза вымахала выше танков. За полем начинался карьер, в котором добывали глину. Танки прошли через карьер, а вот

выбраться из него оказалось не так-то просто. Стенки карьера, на противоположной его стороне, были почти отвесные, пришлось вначале расстрелять их из пушек, сделать более пологими. Когда наш танк стал выбираться по склону наверх, то на миг показал врагу слабо защищенное броней днище, и враг этим воспользовался. Болванка прошила танк, поразила механика-водителя, попала в моторную часть, и танк вспыхнул. Мы со стрелком выскочили из башни, сорвали с себя горящую одежду, вытащили из горящей машины товарищей — механика-водителя, он уже был мертв, и радиста, подававшего признаки жизни. Позднее врачи поставили радиста на ноги, а механика-водителя мы похоронили здесь же, на кукурузном поле, возле догорающего танка. Я знал, как горят танки, но такое видел впервые. Наш танк превратился в факел, окутанный черным дымом. Как береста горели алюминиевые детали двигателя, кабели, шланги, покрытые маслом металлические детали.

В 1944 году мы вступили в Будапешт. Часть венгерской столицы, именуемой Пешт, взяли быстро, а район Буда оказал отчаянное сопротивление и вскоре превратился в груды развалин. Улиц не было видно — одни сплошные завалы. Все мосты через Дунай разрушены. Саперы наводили понтонную переправу. Колонна наших танков стояла вдоль улицы в районе Пешта. Погода накануне была сырая, холодная, и я простыл. Болеть же на фронте неположено. Я, предупредив старшину, зашел в дом к

44

местным жителям, чтоб поискать у них лекарства. А в доме том жил чех, который в годы Гражданской войны воевал на Урале в Чехословацком корпусе. Он и его жена хорошо говорили по-русски, у них было много грампластинок на русском языке. «Я тебя быстро вылечу», — сказал чех и, вскипятив на плитке коньяк, заставил меня его выпить. После чего я крепко уснул. Проснулся и перепугался: колонна-то наша, наверное, ушла, где ее теперь искать. Выбежал на улицу — танки стоят на месте.

— Ты, почему меня не разбудил? — спрашиваю старшину.

— Так вы же сказали, чтоб вызвать вас только тогда, когда поступит команда «по машинам», а такой команды еще не поступало.

На душе у меня полегчало, а болезнь, словно рукой сняло. Войну наш полк завершил в Чехословакии. Возвращаясь в Москву, мы с группой офицеров навестили в Будапеште моего знакомого чеха. Он к тому времени уже заимел собственное кафе, приветливо в нем принял нас и обслужил по высшему разряду.

В Москве я получил назначение в тяжелый танковый полк, укомплектованный танками ИС-3 (Иосиф Сталин), аналогичными тому, что стоит в настоящее время на Комсомольской площади г. Челябинска. И вместе с полком отбыл на Дальний Восток, где предстояла еще одна война, с Японией».

После войны Н. И. Жуков успешно окончил Ленинградский политехнический институт. Защитил диплом. Председателем дипломной комиссии в то время являлся П. К. Ворошилов (сын маршала). «Его подпись стоит в моем дипломе», — с гордостью говорил Николай Иванович.

По направлению института Н. И. Жуков с семьей приехал в г. Челябинск, получил квартиру на пятом этаже дома по улице, носящей теперь имя Ю. А. Гагарина. Работал на Станкомаше, а затем в СКБ «Ротор». На его счету множество рационализаторских предложений и свидетельство на серьезное изобретение по профилю своей работы. Он является соавтором редкой книги

45

«Ограничительный перечень электрооборудования», изданной в Ленинграде. На протяжении двадцати лет возглавлял совет ветеранов СКБ «Ротор». С 1988 года является членом Ленинского районного совета ветеранов г. Челябинска.

«Недавно ехал я в вагоне с английскими журналистами, — рассказывал Николай Иванович, — спросил их:

— Знаете ли вы что-либо о Великой Отечественной войне?

— Да, была какая-то война между СССР и Германией.

— А кто развязал эту войну? Кто первым напал на соседа?

— СССР напал на Германию, — уверенно ответили мои собеседники.

— А кто победил в этой войне?

— Англия! — твердо ответили англичане.

Удрученный такими ответами я, приехав домой, заглянул в новый школьный учебник по истории и понял, почему многие наши школьники не знают своих героев, не гордятся подвигом своих отцов и дедов. История Великой Отечественной войны в учебнике дана несколькими строчками. Тема героизма советских людей в борьбе с фашизмом в нем вообще не раскрыта».

Потрясенный таким открытием, Н. И. Жуков, чтобы как-то пробудить патриотические настроения у своих земляков, решил сделать то, что ему, старому солдату, еще было под силу: он принял непосредственное участие в сохранении имен героев войны и памяти о них для будущего поколения патриотов России. Вскоре вышел из печати 15-й том областной Книги Памяти, в которую, благодаря настойчивым поискам Н. И. Жукова, вошли имена 4,5 тысячи фронтовиков Ленинского района г. Челябинска.

«Вот выпустим последний том этой книги, — сказал, завершая нашу беседу, Николай Иванович, — и тогда я вплотную засяду за мемуары». Работая над материалами для Книги Памяти, он просиживает до поздних ночей. А потом снова встает перед его глазами родная Кубань, позеленевшая от времени скала на берегу лимана, с которой он мальчишкой

46

прыгал «ласточкой» вниз головой в воду. И как наяву слышится ему ласковый шепот набегающих на берег волн южного моря — свидетелей вечной жизни на земле.

ВЫРОС НА ФРОНТЕ

Юрий Нилович Мишарин до выхода на пенсию работал в системе «Главжуралстрой», занимался внедрением новой техники в строительстве. На его счету 5 изобретений и более 200 рационализаторских предложений, о некоторых из них

он рассказывал в своей книге «Труд строителей на плечи машин», изданной в Москве в 1987 году. За механизацию строительных процессов он был удостоен серебряной и двух бронзовых медалей ВДНХ СССР. Над своими изобретениями работал с вдохновением, не считаясь со временем. Однажды его спросили, откуда у него такая любовь к технике, где он учился. «Основы технических знаний, — отвечал Ю. Н. Мишарин, — я получил в Челябинском ремесленном училище № 2, а совершенствовать их мне пришлось на войне. Я ведь, по существу, вырос на фронте. В 16 лет впервые пришел в военкомат с заявлением отправить на фронт добровольцем. «Рановато, подожди немного», — ответили мне. А в 1943 году зачислили в 30-й Челябинский учебный танковый полк, где, получив специальность механика-водителя танка Т-34, я должен был отбыть на фронт. Но ситуация изменилась: пришел новый приказ, и меня перевели в 13-й учебный полк, стоявший за вокзалом, для продолжения учебы и освоения поступившей на вооружение новой самоходной артиллерийской установки САУ-152, смонтированной на шасси тяжелого танка ИС и имевшей пушку 152-го калибра.

После обкатки боевых машин и испытаний их боевых качеств был сформирован из двадцати САУ-152 полк и отправлен на фронт. Позднее он стал именоваться 335-м гвардейским ордена Красной Звезды Полоцким полком, с которым я прошел путь в качестве младшего механика и заряжающего до Прибалтики и встретил там День Победы.

47

Не знаю почему, но страха на фронте я не испытывал. В бою мог выскочить из машины, покурить, пули меня не брали.

В ситуации же мы попадали серьезные. Однажды стояли в засаде. Поступила команда отходить. Наша самоходка стала разворачиваться и застряла. Почва-то там была мягкая. Провалившись, машина села на днище, гусеницы вращаются, а движения нет. Немцы пошли в атаку. А у нас пушка направлена в противоположную сторону, и повернуть ее навстречу врагу мы не можем, ведь самоходка-то не танк,

на ней нет вращающейся башни. Немцы уже рядом, слышны их голоса, выстрелы. Мы достали пулемет, гранаты и приготовились к бою. Выручил нас танк Т-34, он стоял на опушке с поврежденной ходовой частью. Танкисты увидели, в каком положении мы оказались, и открыли по врагу огонь осколочными снарядами. Гитлеровцы попрятались в укрытиях. В это время подошел тягач и вызволил нас на твердую почву. Развернувшись, мы вступили в бой и уничтожили танк и штурмовое орудие противника «ферденандт»

Или вот еще один пример. Дело было зимой. Мы вошли в лес и замаскировали самоходку среди деревьев. Периодически, чтобы не замерз двигатель, мы заводили его для прогрева, вероятно, из-за этого немцы засекли нас и накрыли самоходку арт-огнем. Более получаса продолжался артолет. Наша машина ходила ходуном. А когда, наконец-то, огонь прекратился, я выглянул из люка и ужаснулся: леса вокруг нас не было, он был превращен в щепки, лишь, как столбы в пустыне, маячили обломки стволов деревьев без веток и листвы, а наша самоходка перед немцами оказалась как на ладони.

В тот день у многих моих старших по возрасту товарищей появилось немало седых волос. Я же, возвратившись в свое подразделение, у штабной землянки встретил комбата. Увидев меня, он с удивлением произнес: «Юрка, да как ты возмужал!».

48

А я подумал, что время идет и на войне, как на гражданке. Кто-то стареет, а кто-то мужает. Такова жизнь».

24 февраля Юрий Нилович отметил свое 79-летие, а впереди его главный праздник — 60-летие Победы.

ЗАПАДНЯ

Во время штурма Берлина, 24 апреля 1945 года, группа советских танков, прорвавшихся к центру города, оказалась в районе, ограниченном со всех сторон каналами с высокими, одетыми в гранит, берегами, мосты через которые оказались взорванными. Произошла заминка. Танкисты ждали, какое решение примет их командование. Танк Т-34 с номером 211 на башне стоял под аркой жилого дома. Командир его старшина В. Я. Власов, не спавший несколько суток, спустился вниз танка и, облокотившись на ящик со снарядами, задремал.

«Это положение, вероятно, и спасло меня, — вспоминал потом Виктор Яковлевич. — Прилетели самолеты союзников, сбросили бомбы, и шестиэтажный дом рухнул на наш танк. Мы оказались в абсолютной темноте, а танк наполнился едкой пылью. Но самым кошмарным оказалось то, что от удара взрывной волны все члены экипажа, кроме меня, лишились слуха и речи. В одно мгновение, став глухонемыми, находясь в шоковом состоянии, они ощупывали в темноте друг друга и не могли понять, что произошло. Лично мне показалось, что наш танк провалился под землю или же я ослеп. Но, нащупав в темноте механика-водителя, я понял, что мы в танке. Попробовали один люк открыть — не открывается, другой — тоже не открывается...

Только через два с половиной часа нас откопали. И вызволили из этой «мышеловки». Мокрые от пота, грязные от пыли, мы не узнавали друг друга. У механика-водителя шла кровь из ушей, носа и рта, даже в уголках глаз были кровоточинки. Он навсегда остался глухонемым. У

49

остальных членов экипажа речь стала формализовываться только через неделю, но слух не восстановился их всех комиссовали. А меня пересадили на другой танк, на котором я довоевал до конца войны.

2 мая 1945 года командир роты устроил нам экскурсию в поверженный рейхстаг. Мы осмотрели его закопченные помещения, еще кое-где горевшие и дымившие. Затем прошли в имперскую канцелярию Гитлера, там царил хаос и беспорядок. А потом вышли в парк, напротив рейхстага, где

стояли наши танки. В это время привезли обед. Разместившись под деревом, мы ели борщ и вкусную кашу. Вдруг чувствую, мне кто-то положил руку на плечо. Оглянулся и вижу: стоит мой земляк Юрий Михайлович Самокрутов, мы вместе с ним из Кыштыма уходили на фронт. Вот так встреча! Желанная и радостная, но поговорить с ним удалось лишь только на ходу, так как он со своим подразделением спешил в сторону рейхстага.

Эта встреча всколыхнула во мне массу воспоминаний о Кыштыме, о родном доме, о том, как 22 июня 1941 года я стоял в очереди в хлебную лавку и по городскому громкоговорителю услышал сообщение о начале войны. Народ тогда пришел в смятение, засуетился, заволновался, очередь сразу поредела. Я же достоял до конца, купил хлеба, принес домой и рассказал матери об услышанном. Мать немедленно послала меня еще раз в магазин, а потом еще за солью, мылом, спичками, сахаром. Она уже имела опыт двух войн и пыталась создать запас продуктов. Но разве запасешься на всю войну?

В 1943 году я, сдав два экзамена за 10-й класс, готовился к третьему экзамену по литературе. Но 3 июня мне принесли повестку: «Явиться к 9 часам утра в военкомат», а в 22 часа нас уже провожали в армию. Привезли в Челябинск и зачислили в 13-й учебный танковый полк, который располагался за вокзалом. Солдаты-курсанты жили в землянках или бараках, спали на трехъярусных нарах, вместо матрацев — маты из березовых веток, а одеяло и подушку заменяла шинель. Спали не раздеваясь, снимали

50

только обмотки и ботинки и клали их под голову, иначе можно было остаться утром без обуви.

Свой первый бой я принял в семнадцать с половиной лет под Ковелем, в конце июля 1944 года, наш танк тогда на подходе к мосту расстреляли из засады. Снаряд попал в ходовую часть и выбил два катка. Второй снаряд угодил в трансмиссионное отделение, пробил топливный бак и машина загорелась. Весь экипаж покинул танк. Надо было бы бежать назад, а мы с командиром орудия И. Р.

Щербиной, опыта-то не хватало, побежали вперед и оказались отрезанными огнем противника. Спрятавшись под мостом, сидели там, пока не пришли на выручку наши танки. Наука воевать — серьезная наука. В учебном классе ее освоить невозможно. Вот один из примеров. Однажды, после освобождения польского города Лодзь, 19 января 1945 года, мы остановились на привал недалеко от двухэтажного особняка. И я пошел посмотреть, не найдется ли в этом доме чего-нибудь для нашего хозяйства. Осмотрел кухню, поднялся на второй этаж, и вдруг открывается дверь, и из нее вываливается немец ростом под метр девяносто. Я выхватил пистолет и выстрелил. Ведь неизвестно же, что у него на уме и один он или их там много. Оказалось, что это был пьяный. Среди немцев-то тоже любители спиртного имелись. После этого случая я в одиночку подобные объекты никогда не посещал.

На обратном пути Ю. М. Самокрутов еще раз подошел к нам. Молодой, стройный, с развернутой грудью, в лихо вздернутой набекрень пилотке с красной звездой — одним словом типичный кыштымец. Выяснилось, что мы с ним воюем в одном корпусе, я в 65-й бригаде, а он в 36-й, и бок о бок участвовали в сражении на Зееловских высотах. Танкисты знают, как сильно укреплен был этот район и как много на небольшом пяточке столкнулось тогда танков. Там что-то было наподобие малой Курской дуги, вроде танковой «рукопашной» схватки с применением таранов и стрельбой друг в друга с трехметрового расстояния. В наш танк в том бою снаряд угодил под люк, пробил броню и насквозь

51

попросил механика-водителя В. И. Дьяченко. Танк встал, в него тут же прилетело еще шесть снарядов. Покинув машину, под градом пуль и осколков, мы достигли немецких окопов и скрылись в них. Кто знает, может быть танк Самокрутова и прикрывал нас в тот момент.

На груди Юрия поблескивали ордена и медали. У меня тоже уже был орден Славы. Он поинтересовался: «За что?». Я ответил, что при форсировании Одера танки

продвинулись далеко вперед, пехота отстала, пришел приказ: «Всех радистов-танкистов — в окопы!». Я снял лобовой пулемет, взял полный вещевой мешок дисков и две недели воевал в пехоте, держал оборону до тех пор, пока не подошел на помощь 101-й штрафной батальон, а затем и другие части.

Вспоминая родные места и общих знакомых, мы с Юрием почувствовали, что возвращение наше домой уже не за горами. Война заканчивалась. А вернувшись в Кыштым, с горечью узнали о том, что из девяти ребят, в числе которых нас провожали в армию в 1943 году, семеро погибли...»

После войны и в глубоком тылу жизнь налаживалась медленно. Виктор Яковлевич устроился работать на Кыштымский завод № 15, одновременно учился в школе рабочей молодежи. В 1949 году вступил в партию. В 1956 году окончил Челябинский политехнический институт и прибыл на ЧМЗ, где работал до 1994 года, пройдя путь от помощника мастера мартеновского цеха № 1 до начальника отдела заводоуправления. В настоящее время он является членом совета ветеранов Челябинского металлургического комбината. И все свое свободное время отдает ветеранской работе.

КАЗАК ВСЕГДА КАЗАК

Леонтий Григорьевич Кандалов выходец из казаков Нижнеозерной станицы Оренбургского казачьего войска. Срочную службу проходил в Челябинской авиашколе мотористом, мечтал быть летчиком, летать за облаками,

52

делать головокружительные фигуры высшего пилотажа, но чтобы стать курсантом не хватало образования. После увольнения в запас работал шофером грузовой автомашины на Челябинском электрометаллургическом комбинате. Когда началась война, автотранспорт потребовался армии. «Перегони грузовик в авиашколу, сдай его по акту и возвращайся обратно», — сказали Л. Г. Кандалову на комбинате.

«Приезжаю я в авиашколу, — рассказывал Леонтий Григорьевич, — а там все знакомые, мои бывшие сослуживцы. Здороваются, расспрашивают, как жизнь движется на гражданке. Пришел командир, посмотрел на меня и распорядился: «Поставьте Кандалова на довольствие, он нам здесь нужен». Так я вновь оказался в Красной Армии. Время было тревожное, немец приближался к Москве. В авиашколе укомплектовали эскадрилью самолетов Р-5, бортовым стрелком одного из них определили меня.

Мы прибыли на защиту столицы осенью. Летали на низких высотах, обрабатывали огнем передовые позиции противника. К самолету подвешивали восемь небольших бомб, выходили на цель, летчик нажимал кнопку, и бомбы падали по назначению, а я добавлял огня из своего пулемета. Сделали шесть успешных вылетов, а на седьмом нас подкараулил «мессершмитт». Он подкрался к нам незаметно с солнечной стороны, я его только хвост увидел. Самолет наш клюнул носом и понесся к земле. Летчик всеми силами старался планированием дотянуть до своей территории. Ему это удалось, но удар о землю оказался настолько сильным, что нас с летчиком выбросило из кабин метров на пять. Вначале я ничего не почувствовал, а потом гляжу — кровь на рукаве.

К нам быстро пришла помощь, появилась автомашина, и нас увезли в госпиталь, где я пролежал до апреля 1942 года. После чего решением медицинской комиссии — «для службы в ВВС не годен» — меня списали в пехоту, так как из-за повреждения локтевого сустава рука моя до сих пор до конца не разгибается. Ранее я видел поле боя из кабины

53

самолета, теперь с винтовкой наперевес ходил в наступление, спешно отступал, вновь шел вперед, вел бои среди болот под Старой Руссой и освобождал населенные пункты от оккупантов. Через некоторое время нашу часть перебросили под Мурманск, где я впервые увидел море и был восхищен его величием. Довелось наблюдать за морским сражением, развернувшимся далеко от берега, а вот самому послужить на флоте не пришлось. Вскоре поступил

приказ всех солдат, имеющих специальность тракториста и шофера, откомандировать на пункт сбора для отправки в челябинскую школу механиков-водителей новых танков. Кандидатов в танкисты набралось человек двадцать. Я с нетерпением ожидал отправки в Челябинск и мысленно представлял себе встречу с родным городом. Но пришел какой-то майор, посмотрел мои и еще двоих трактористов документы и говорит: «А вам-то зачем ехать? Вы и так все знаете. Вот стоят тридцатьчетверки, принимайте их и осваивайте на месте».

После непродолжительной стажировки нас перебросили в район города Обоянь, где вскоре развернулись бои Курской битвы. В составе 237-й танковой бригады 31-го танкового корпуса мы встретили прорвавшегося со стороны Белгорода врага. Накануне командиры сообщили нам, что у немцев появились новые тяжелые танки типа «тигр», тот, кто сумеет уничтожить такой танк, будет представлен к званию Героя Советского Союза. О «тиграх» рассказывали невероятные истории, а на деле они оказались громоздкими и маломаневренными машинами. Двигатель советских танков работал на солярке, а у «тигра» стоял двигатель, работающий на первосортном бензине. Достаточно было хорошей искры, – и он горел. В первом же бою нашей бригадой было сожжено пять «тигров», но никому звание Героя не присвоили. Здесь, под Обоянью, в один из ясных солнечных дней мы буквально побывали на волоске от смерти. Лавина тридцатьчетверок катилась по полю. Навстречу нам двигалось примерно такое же количество немецких танков. Заговорила наша пушка. В танке запахло пороховым дымом. Я буквально слился с машиной. Сжав

54

рычаги, наблюдал за полем боя, стараясь мгновенно исполнять команды командира, ведь в бою от четких действий механика-водителя зависело многое. Но вдруг раздался оглушительный удар в борт, машину словно перекосило, и двигатель заглох. Вражеский снаряд пробил броню, попал между баком и двигателем и разорвался. Поскольку экипаж прикрывала бронеперегородка, никто из нас не пострадал.

Не менее удивительный случай произошел во время боев в Карпатах. Мы тогда шли на помощь чехословацким партизанам. «Тигр» из засады произвел выстрел в лоб нашей тридцатьчетверке. Болванка пробила броню, прошла между мною и сидящим рядом пулеметчиком, затем между ног командира, который в это время стоял в башне, попала в двигатель, пробила днище и ушла в землю.

Мы покинули машину и под обстрелом, падая и поднимаясь, побежали в укрытие. Я обратил внимание на какие-то фонтанчики пыли, поднимающиеся вокруг нас, на странную тишину, на то, что все мои товарищи почему-то шевелят губами и не сразу понял, что оглох. Недели через две в госпитале слух у меня восстановился, говорил же я еще долго неважно.

После пребывания в госпитале меня признали негодным теперь уже и для службы в танковых войсках, но совсем не комиссовали, а пересадили на трехтонку Миасского автозавода. На ней я доехал до Берлина, а войну закончил в Праге. 24 июня 1945 года участвовал в Параде Победы на Красной площади в Москве, видел товарища Сталина».

Домой Л. Г. Кандалов вернулся с орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы 3-й степени, медалью «За отвагу» и до самой пенсии работал шофером на ЧЭМК. В 70-х годах он посетил родственников в Магнитогорске, встретил там свою односельчанку, которая в разговоре с удивлением спросила его: «Да как же это ты оказался на три года моложе меня, ведь мы с тобой с одного, 1912, года рождения, вместе пошли в школу, учились в одном классе?» Л. Г. Кандалов поинтересовался о своем дне рождении у отца. «Да знаешь,

55

сын, в конце двадцатых годов в нашем селе юношей-казаков забирали на лесозаготовки, мы не хотели отпускать тебя одного, поэтому с матерью записали тебя с 1915 года рождения, то есть на три года младше», — ответил отец.

Возвратившись в Челябинск, Леонтий Григорьевич долго думал: исправлять дату своего рождения или нет, и решил:

пусть останется все как есть. В 2002 году вместе с детьми и внуками он планировал отметить свое 90-летие.

МЕХАНИК-ВОДИТЕЛЬ «ВАЛЕНТАЙНА»

Есть в Курганской области небольшое село Петрушино, раскинувшееся по берегу живописного озера Алакуль с красивыми песчаными берегами и островом посреди, издали кажущимся дрейфующим сказочным кораблем. Здесь в 1922 году родился Виктор Дмитриевич Шахматов, здесь прошло его детство, здесь он работал в колхозе трактористом. В 1941 году, когда началась война, его призвали в армию и зачислили в лыжный батальон. Но среди призывников оказался его однофамилец, командиры перепутали их и вместо лыжного батальона В. Д. Шахматов оказался в команде парашютистов-десантников. А о полетах в небо он мечтал с детства. Часто на берегу озера, лежа на спине, всматривался в голубую бездну, медленно проплывающие белые облака и мальчишеское любопытство переполняло его. Ему хотелось знать, что же там за облаками и почему люди не летают как птицы. И вот неожиданно мечта его подняться в небо стала сбываться. Он торжествовал. Но радость оказалась преждевременной. По прибытии в часть медицинская комиссия не признала его годным к прыжкам с парашютом. В. Д. Шахматова определили на курсы младших командиров, после окончания, которых он принял боевое крещение в сражениях за Рамушевский коридор в районе Демянска и Старой Руссы.

56

«Мы стояли в обороне вдоль реки Ловать, — вспоминал об этом периоде Виктор Дмитриевич, — места там болотистые, весенняя распутица создала тогда непреодолимые транспортные проблемы. Автомобили и даже танки застревали в грязи. Продукты-кульки с сухарями

доставляли нам ночью по воздуху и сбрасывали с самолета У-2. Мы же выкапывали на полях прошлогодний картофель, что и являлось главным рационом красноармейцев и командиров. А утром прилетали немецкие самолеты. Встретить их было нечем. Они беспрепятственно бомбили наши позиции. Часто для воздействия на психику сбрасывали железные бочки с проделанными в них отверстиями. Такие бочки, падая, издавали дикий рев и визг, дополнявшиеся грохотом разрывающихся бомб. Создавалась жуткая обстановка. Но никто из нас не дрогнул, не потерял самообладание, не бросил позиции, все оставались на своих местах. Периодически командование поднимало отдельные подразделения на врага для проведения разведки боем. Мы такие операции называли дразниловкой, так как шли в атаку на вооруженного до зубов противника с одними винтовками, заряженными пятью патронами и тремя запасными обоймами в подсумке, зная что основной нашей задачей является вызов огня противника на себя, обнаружение мест расположения его огневых точек для последующего удара по ним артиллерии. Однажды, участвуя в такой дразниловке, мы прошли почти всю нейтральную полосу. А когда со стороны противника раздалась пулеметные и автоматные очереди, мы рассредоточились по полю, окопались и тоже открыли огонь. Немцы пустили в ход минометы. Мины, падая сверху, накрывали поле осколками. Я почувствовал сильный удар в левую руку. Рука онемела. Гляжу, а на рукаве шинели кровь.

— Выходи в санбат! — крикнул мне командир взвода».

Из санбата В. Д. Шахматова направили в тыл, на Урал. А после лечения в Златоустовском эвакогоспитале № 3114 он проходил службу в вышедшей из окружения 373-й

57

стрелковой дивизии. В декабре 1942 года его, как имеющего специальность тракториста, направили в учебное подразделение для переучивания на механика-водителя английского танка «валентайн». «Этот танк, — продолжал В. Д. Шахматов, — имел дизельный двигатель мощностью 95 лошадиных сил, сорокамиллиметровую пушку, пулемет и

минометный пистолет, который при зарядке переламывался как двуствольное ружье, а мина вставлялась с тыльной части миномета. Лобовая броня «валентайна» имела толщину 60 миллиметров, экипаж состоял из трех человек. «Валентайн» можно было сравнить с советским легким танком Т-26, выпускавшимся до войны. Поставлялись танки союзниками через Иран, мы получали их в городе Баку в августе 1944 года. Меняли на них пулеметы на отечественные и усиливали броневую защиту путем установления дополнительных экранов. Использовать «валентайны» предусматривалось лишь при преследовании противника и подавлении мелких огневых точек. Получилось так, что в первом же бою наш взвод из 3 танков «валентайн» ввели в прорыв. Танк командира взвода, двигавшийся впереди, при повороте на косогоре сел на днище. Командир второго танка стал доставать трос, чтобы отбуксировать застрявший танк на ровное место. Командир взвода, открыв люк, стоял в башне. И в это время вблизи разорвалась вражеская мина. Командиру взвода осколками перебило шею, командира второго танка тяжело ранило. Вторая мина угодила под башню нашего танка, в результате чего заклинило механизмы подъема и поворота пушки. От оглушительного взрыва засвистело и зашумело в ушах. Командир танка зачем-то вылез наружу и тоже был сражен осколками. Мне ничего не оставалось, как положить на броню убитого и раненых командиров и доставить их в штаб.

И в последующих боях с «валентайнами» часто случались непредвиденные ситуации, или трос на валки наматывается, или еще что-либо произойдет. И каждый раз мы теряли людей и машины. К декабрю 1944 года «валентайнов» в батальоне осталось меньше половины. А в январе 1945 года

58

было принято решение наш полк перевооружить советскими танками Т-34.

В народе говорят: «Дареному коню в зубы не смотрят». Мы всегда с благодарностью относились к союзникам за помощь, хотя в случае «валентайнов» эта помощь больше имела психологическое значение, так как показывала, что мы в борьбе с фашизмом не одиноки. «Валентайны» же, как

и другие танки союзников: «матильда», «черчилль», «шерман», поставляемые в СССР по ленд-лизу, по основным тактико-техническим характеристикам, особенно по вооружению, значительно уступали немецким танкам и тем более советскому Т-34, поэтому нам, танкистам, воевавшим на «валентайнах», похвастаться особенно и нечем».

После войны В. Д. Шахматов вернулся в родные края, где 26 лет нес службу в отделе транспортной милиции. В звании старшины вышел на пенсию. Приобрел себе дом в Челябинске, обустроил огород по образцу лучших хозяйств села Петрушино, вырастил сад, где и проводит все свое свободное время.

О НЕЗАБЫВАЕМОМ

Бех Николай Агеевич – донской казак, родился в 1921 году. До войны работал учителем младших классов в станице Новороговская. В марте 1941 года его призвали в РККА. Спустя много лет, в канун 62-й годовщины со дня Победы, в одной из встреч в школьном музее его попросили поделиться воспоминаниями о давно прошедшей войне и о наиболее памятных эпизодах из своей богатой фронтовой биографии. Отдельные фрагменты его рассказа мне в тот день удалось записать. А начал свой рассказ Н. А. Бех с московской битвы.

«После двухмесячного пребывания в учебном батальоне мы отбыли к месту формирования 8-й танковой бригады, в район станции Костерево. Там меня определили в экипаж танка «Т-34» радистом. А вскоре, 24 сентября 1941 года, вместе с бригадой перебросили на защиту Москвы. Линия

59

фронта к тому времени стабилизировалась в 370 километрах от столицы. Там шли бои местного значения. Немцы готовились к решающему наступлению. Они разработали план операции «Тайфун», замысел которой заключался в том, чтобы прорвать линию обороны советских войск севернее и южнее Москвы и окружить город. Гитлер заявил,

что ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не должны выйти из окружения. Он считал, что Москва и ее окрестности будут затоплены водой. И вода навсегда скроет столицу русского народа от цивилизованного мира. Свое наступление немцы наметили на 30 сентября. А наша бригада атаковала врага на пять дней раньше. И вначале имела успех. Местность в районе деревни Лужная была заболоченная, покрытая мелким кустарником. Танк командира роты Москвина, преследуя противника недалеко от деревни, провалился в болото и застрял. Наш танк приблизился к нему на помощь. Из командирского танка вышли механик и радист. Они долго возились, пытались зацепить буксирный канат. Немцы в это время усилили огонь по танкам. Спасаясь от пуль, радист и механик спрятались за гусеницы. К ним на помощь выскочил башенный стрелок, но был сражен наповал. Лейтенант Москвин, приоткрыв люк, что-то кричал. Но раздалась длинная автоматная очередь. Пули, отрикошетив, пересекли командирский люк. Лейтенант откинулся назад и упал в танк. Люк за ним захлопнулся. Немцы, прикрываясь кустарником, подступали к нашим танкам со всех сторон и уже бросали гранаты. Я постоянно держал радиосвязь с комбатом, докладывал ему обстановку. Но у комбата дела складывались не лучше, чем у нас, и он приказал оставить танк Москвина на месте и срочно следовать в батальон. Мы успели взять к себе радиста командирского танка, затем механика. Пули щелкали о броню, как горох, одна из них достала механика, когда он был почти в танке. Механик стонал от боли, на ходу ему делали перевязку. Наш пулемет работал не умолкая до тех пор, пока мы не вышли из-под огня. У всех болела душа за оставшегося в танке Москвина.

60

Утром следующего дня бои возобновились. Бригада спешила на помощь застрявшему танку. Но было поздно. Немцы облили танк горючим и подожгли. Лейтенант Москвин погиб. Это был первый эпизод на фронте, который потом мне часто снился и который забыть невозможно.

5 декабря началось контрнаступление советских войск под Москвой. 6 декабря танки 8-й бригады приняли на броню пехоту и, поднимая снежную порошу, рванулись на запад. К деревне Трехднево мы подъехали рано утром. Было еще темно. Немцы спали, разместившись в избах селян. Появление советских танков для них оказалось полной неожиданностью. На окраине деревни, у дороги, стояла немецкая пушка. Механик-водитель, златоустовец Виктор Павлов бросил на нее свой танк. Немцы спохватились слишком поздно. Спасая свое орудие, они стащили его в кювет. Павлов остановил танк, открыл люк и из пистолета расстрелял неуспевших бежать артиллеристов. Остальных завоевателей автоматчики выводили из домов с поднятыми руками. Днем мы освободили еще несколько деревень. К вечеру подъезжали к большому селению. Ехали лесом. Постепенно лес стал редеть. За деревьями уже просматривались избы и хозяйственные строения. Наш танк шел вторым за танком командира роты Фролова. И вдруг из селения раздался артиллерийский выстрел. Яркой вспышкой снаряд разорвался на танке Фролова. Танк не загорелся. Автоматчиков же как ветром сдуло, они попрыгали на землю и стали занимать оборону. Комбат по рации приказал прекратить движение. Мы остановились. А танк Фролова, словно не услышав команду командира, не снижая скорости, понесся вперед и скрылся за домами селения. «Вероятно, у него вышла из строя рация», – подумал я.

Зимние дни короткие. Стало совсем темно. От Фролова же никаких сведений не поступало. А среди ночи он со своим заряжающим пешком заявился в бригаду и доложил, что их танк потерял управляемость и они покинули его, спрыгнув на ходу. Под утро пришел третий член экипажа – стрелок-радист В. Кулаков и рассказал, что после попадания снаряда

61

в танк он потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что люк механика-водителя сорван, а сам механик-водитель сидел на месте, но без головы. Танк же, наехав на вековую сосну, заглох и остановился. Убедившись, что противника

поблизости нет, Кулаков через нижний люк выбрался наружу и окольными путями пришел в бригаду.

Контрнаступление успешно развивалось. Поддерживая пехотные дивизии, мы заняли деревню Ямога. Гитлеровцы бежали по направлению города Клина, а наши автоматчики зашли с фланга и встретили их огнем из леса. Когда мы подъехали, то увидели на поле боя много подбитых и горевших машин, всюду валялись трупы оккупантов. Нам не разрешалось выходить из танков. Но механик-водитель Павлов был отчаянным парнем, вышел наружу, я последовал за ним. Под автомашиной лежал на спине, раскинув руки в стороны, здоровенный фашист, притворившись убитым. Павлов попросил у пехотинца винтовку со штыком и ткнул штыком в ладонь фашисту. Гитлеровец как вскочит да как закричит. Его немедленно поставили в колонну пленных.

После московской битвы нашу бригаду переименовали в 3-ю гвардейскую тяжелую танковую бригаду, вручили гвардейское знамя бригады и поручили хранить его нашему экипажу. А через некоторое время нас перебросили под Сталинград. Я тогда был уже механиком-водителем. В одном из боев оборона на подступах к Сталинграду не выдержала натиска врага. Начался всеобщий отход. Командиры пехоты с трудом сдерживали своих бойцов. Кругом рвались снаряды и мины, вверх взлетали комья земли, густой черный дым от подбитых и горящих машин стелился по полю. Казалось, что еще немного и начавшийся отход перерастет в паническое бегство. И тогда наш комбриг приказал знамя части развернуть и атаковать врага. С развивающимся над башней Красным знаменем с изображением В. И. Ленина и И. В. Сталина наш танк вырвался вперед. Все оставшиеся в строю танки бригады последовали за нами, держа равнение на знамя, и дружно вели огонь на ходу из пушек и пулеметов, давили

62

оккупантов гусеницами. Пехота, увидев результаты работы танкистов, оправилась от удара и тоже перешла в наступление. В этом бою мы понесли большие потери. Получил ранение и наш комбриг. Но Красное знамя сделало

свое дело, оно мобилизовало бойцов, воодушевило их на ратный подвиг, и первоначальное положение на поле боя было восстановлено. Вот из таких маленьких эпизодов складывалась наша фронтовая жизнь», – подытожил свой рассказ Николай Агеевич. А потом долго отвечал на вопросы любознательных школьников.

После Сталинграда Н. А. Бех участвовал в Курской битве, освобождал Украину, Белоруссию, в бою за румынский город Плоешти спас раненого начальника политотдела бригады, вытащив его из горящего танка. И едва укрылся с раненым в ближайшей воронке, танк взорвался, башня его отлетела на несколько метров в сторону. Войну Н. А. Бех закончил в Кенигсберге, откуда его направили учиться в Саратовское танковое училище, где и встретил он день Победы.

Во время учебы в училище Н. А. Бех практику по сборке танков проходил в Челябинске и в столовой ЧТЗ встретил необычайно красивую девушку. Познакомился с ней и понял, что нашел самое дорогое в жизни – девушку своей мечты. Девушку звали Люба. Она ответила ему взаимностью, и они вскоре поженились. Вместе прожили большую жизнь, воспитали троих детей, четырех внуков и двух правнуков. Их сын Сергей пошел по стопам отца, став офицером-танкистом. Н. А. Бех после окончания ЧГПИ работал инструктором ОК КПСС, затем служил в УВД. Ныне он полковник в отставке, возглавляет секцию ветеранов танковых войск Советского района. За активную работу среди ветеранов награжден почетной грамотой РКВВВС и по-прежнему является желанным гостем в школьном музее.

В 1997 году Николай Агеевич, как участник Московской битвы, побывал вместе с внуком Василием на приеме в

московской мэрии, устроенном по случаю празднования 850-летия Москвы, где мэр Лужков вручил его внуку фантастический пригласительный билет на празднование

900-летия столицы. Этот билет дает право Василию в 2047 году представлять на юбилейных торжествах в столице своего деда – участника Великой Отечественной войны и героической обороны Москвы.

ДИНАСТИЯ ТАНКИСТОВ

До войны Иван Павлович Роднов жил в г. Нижние Серьги Свердловской области, учился в техникуме и мечтал стать танкистом. Его младший брат Василий учился в школе и тоже мечтал служить в бронетанковых войсках. Но началась Великая Отечественная война, Ивана призвали в Красную армию и определили шофером грузовика, на нем он доставлял различные грузы, боеприпасы на передовую линию фронта, обратно вывозил раненых солдат. А Василий, едва дождавшись, когда ему исполнится 17 лет, добровольцем ушел на фронт на помощь старшему брату. После окончания полковой школы в г. Горьком служил в штабе фронта связистом.

В 1943 году Ивана отозвали в штаб дивизии и направили учиться в Челябинское танкотехническое училище. На время его учебы приехала жить в Челябинск его жена Люба с маленьким сыном Валерой на руках. Это было самое счастливое их время. После окончания училища в звании техника-лейтенанта Иван Роднов вновь отбыл на фронт. В качестве командира тяжелого танка КВ он изгонял оккупантов с родной земли. Вскоре вышел приказ И. В. Сталина, разрешавший родным братьям и сестрам служить вместе в одном подразделении. Братья Родновы обменялись по этому поводу письмами, подали по инстанции рапорты, и вскоре сержант Василий Роднов был зачислен стрелком-радистом в экипаж старшего брата Ивана. В составе

гвардейского краснознаменного ордена Суворова тяжелого танкового полка прорыва танк Родновых крушил оборону противника, прокладывая пехоте путь на запад.

24 октября 1944 года братья прислали родным на Урал поздравление на почтовой открытке с изображением Александра Невского и словами И.В. Сталина: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти». В это время братья громили врага на территории Польши. Иван писал письма домой часто. 20 марта 1945 года он сообщал своей жене уже из Германии: «Люба, сейчас пока отдыхаем. Стоим от Берлина в 70 километрах... Да! Немцы почувствовали нашу силу. Они бегут. В городах полный хаос, неразбериха... Все разбросано и все раздавлено нашими танками... Враг не успевает удирать от наших ударов. Люба, пиши, как наш сын растет. Скажи ему, что скоро приедет папа и привезет гостинцы... Пиши чаще и больше».

«21 марта 1945 года. Река Одер. Пишу в башне, лежа, неудобно, в 22 часа местного времени. Посылаю две открытки и вырезку из газеты со снимками моего танка. Буду жив, все будет хорошо...»

«22 марта 1945 года. Пока жив-здоров, а что будет дальше, не знаю... Вражеский снаряд попал в танк. Но мы – весь экипаж – спаслись и были награждены орденами Отечественной войны 1-й степени. Сейчас находимся в резерве...»

«9 апреля 1945 года. Река Одер, Германия... Обстановка нормальная. Будем живы, отметим Победу... Как идут дела на Урале?...»

Это было последнее письмо от Ивана. Вскоре семья Родновых получила сразу две похоронки: «Гвардии техник-лейтенант Роднов Иван Павлович и гвардии сержант Василий Павлович в бою за социалистическую Родину проявили героизм и мужество, погибли 16 апреля 1945 года...»

25 мая 1945 года жена Ивана получила еще одно письмо из Германии: «Здравствуйте, Люба и сын Ванюши. 16 апреля

1945 года западнее реки Одер наши войска прорвали линию обороны противника. Ваш муж и его брат Василийна своем тяжелом КВ громили и уничтожали немецкие танки и

артиллерию... К вечеру танк Ивана преодолел противотанковый ров и стал двигаться к железнодорожной станции. Но был подбит артиллерийским снарядом и загорелся. Мои друзья Ванюша и Василий погибли, сгорели в танке. Я хоронил их возле станции».

Внизу стояла подпись: «Друг Ванюши Николай Васильевич Вишкин».

Все эти письма жена Ивана хранила для своего сына Валерия как память об его отце. Повзрослев, Валерий помногу раз перечитывал эти письма, и сердце его переполнялось гордостью за своего отца и дядю Васю – настоящих героев – советских танкистов. Уже на школьной скамье он твердо решил продолжить дело отца, быть военным. Окончив Омское танкотехническое училище, а затем Киевское высшее танково-инженерное училище, он служил в различных гарнизонах Союза. Но всегда какая-то неведомая сила тянула его в Челябинск, где учился танковому мастерству его отец и где Валерий видел его в последний раз.

По воле судьбы Валерий Роднов был назначен военпредом на ЧТЗ. Длительное время испытывал и принимал военную технику. Поддерживал деловые отношения между заводом и воинскими частями, обучал личный состав владеть новой техникой, бывал в спецкомандировках за границей, числился лучшим рационализатором. И не заметил, как два его сына подросли и стали тоже интересоваться письмами своего деда Ивана. «Ну будут мои сыновья танкистами», – подумал тогда Валерий. В действительности так и получилось. Старший сын Константин окончил Челябинское высшее танковое командное училище, дослужился до подполковника и долго служил в Челябинском танковом институте. Сын Дмитрий, отслужив срочную службу в бронетанковых войсках, работал на ЧТЗ. Подрастают и правнуки Ивана Роднова. Они серьезно работают над собой,

66

занимаются военно-прикладными видами спорта, готовят себя к службе в бронетанковых войсках. Отец и дедушка их выбор всячески поощряют.

Есть у Валерия Ивановича Роднова большая мечта, пока жив, найти для своих сыновей и внуков место захоронения их деда и прадеда. С этой целью он обратился в газету «Ветеранский вестник» с просьбой написать и опубликовать заметку об его отце, надеясь, что кто-нибудь из оставшихся в живых танкистов 34-го отдельного гвардейского ордена Суворова тяжелого танкового полка прорыва 8-й гвардейской армии, прочитав заметку, подскажут как называлась та железнодорожная станция западнее реки Одер, возле которой похоронены танкисты братья Родновы. Но слишком много прошло времени после войны, никто не откликнулся. В. И. Роднов же по-прежнему не теряет надежды найти могилы своего отца и дяди и посадить на ней уральскую березку, символизирующую вечную благодарность Родины своим павшим в боях солдатам.

От Воронежа до Прибалтики

Захаров Михаил Емельянович в декабре 1941 года в возрасте 17 лет получил повестку в Красную армию, и как подобало комсомольцу, с гордостью пошел на призывной участок. «В учебном подразделении, - вспоминал он, - нас обмундировали, вместо шапок выдали буденовки с красными звездами и мы в ускоренном темпе стали изучать азы военной науки. Боевое крещение получили зимой под Воронежем. Летом во время большого отступления Юго-Западного фронта наш саперный батальон попал в окружение. Из окружения выходили, разбившись на группы. Нашу группу возглавлял политрук роты. Шли только ночью, днем укрывались в лесу. В деревни не заходили. И однажды обнаружили, что лес кончился, прятаться больше негде. Впереди, возле хутора из

67

несколько домишек простиралось большое поле ржи. Рожь, высотой почти в рост человека. колышущаяся на

ветру, напоминала волнующуюся бескрайнюю поверхность моря. На этом поле ржи мы и решили укрыться до вечера. Кто-то рассредоточился с краю поля, а я вместе с группой красноармейцев старших по возрасту, бывших охотников из Сибири, ушел вглубь поля, где мы расположились на отдых. Глядя на кусочек голубого неба между качающимися колосьями ржи, я думал, как велик мир и сожалел, что человек не умеет летать. Вспомнил родительский дом, своего отца, работающего на прииске, и незаметно уснул. Проснулся от лая собак и громких криков на немецком языке. В эти мгновения я готов был вгрызться в землю. Тех красноармейцев, что прятались с краю поля, немцы с помощью собак пленили и увели. В числе попавших в плен оказался мой ровесник и земляк. Я искал его после войны, но его не оказалось в числе возвратившихся с фронта. А мы, дождавшись темноты, двинулись дальше на восток. Речку переходили, высоко подняв над головой винтовки, чтобы не замочить их. В пути питались, чем попало. Рваные, голодные и грязные наконец-то вышли к своим. Нас пропустили через СМЕРШ, проверили, кто мы такие и зачислили стрелками в 161 дивизию. В обороне мы пребывали не долго. Немцы, открыв бешенный ружейный и пулеметный огонь, пошли в атаку. Наши ряды дрогнули, и мы начали отходить через поле, на котором стоял брошенный комбайн. Укрывшись за ним, мы пытались отстреливаться. Пуля рикошетом от комбайна попала мне в ногу. Поступила команда отходить к лесу, а у меня нога перебита. Товарищи помогли добраться мне до спасительного леса. Туда же прибежал младший лейтенант, на ходу сбросив сапоги, чтобы бежать, было легче. А на окраине леса уже закрепились наши пулеметчики. Они открыли огонь, ударила по врагу артиллерия. Атака

противника захлебнулась. Появились санитары и доставили меня вначале в медсанбат, а потом в госпиталь».

После госпиталя М.Е. Захаров определили в 192 танковую бригаду, вначале в роту ПТР. Через некоторое время он освоил специальность вождения танка и стал механиком-водителем Т-34. Участвовал в Орловско-Курской битве, где под грохот артиллерийской канонады был принят членом ВКП(б). А когда много лет спустя после войны его спросили, что ему вспоминается, прежде всего, когда он слышит слово «война»? В ответ он рассказал короткий эпизод: «Во время боя нам танкистам еду привозили один раз в сутки, а то и ни разу не привозили, поэтому чаще мы питались сухим пайком. Однажды прибыла наша полевая кухня и остановилась за земляным валом. Подойти к ней было опасно. Вся округа простреливалась. Я решил подъехать к кухне со стороны близ стоящего дома, а за этим домом уже собралось множество солдат с котелками. Присоединился к ним и наш заряжающий, он должен был принести нам обед на всех. Немцы, вероятно, заметили скопление солдат у этого дома и как дадут из минометов. Все вокруг затрещало. Наш заряжающий оказался сраженный осколком. Он беспомощно лежал на открытой местности. Подойти к нему было не возможно. Я подогнал к нему танк, закрыв заряжающего броней. Под градом пуль, щелкающих по броне, с большим трудом мы втащили раненого в танк через люк механика-водителя и отвезли его в медсанбат. Товарища спасли, а вот каши в этот день так и не попробовали».

На своем Т-34 М.Е. Захаров дошел до Прибалтики, а оттуда его направили учиться в Челябинское танкотехническое училище, которое возглавлял боевой генерал Казаков, потерявший на фронте одну руку. Тактику в училище преподавал капитан Мокров,

начинавший войну под Брестом. Вот такие опытные командиры в глубоком тылу многое сделали для подготовки высококлассных мастеров вождения танков. Здесь, в Челябинске встретил М.Е. Захаров День Победы. После войны продолжил учебу в институте. Окончил автотракторный факультет ЧПИ и многие годы работал директором Челябинского машиностроительного техникума. После выхода на пенсию он включился в работу ветеранской организации. И сейчас, несмотря на свои 86 лет, числится в активе Тракторозаводской районной ветеранской организации. Недавно ушла из жизни его верная подруга, жена Галина Ивановна. Об этом он не может вспоминать без слез. «Умерла-то она в больнице, рассказывал М.Е. Захаров,- что-то неладное творится в нашем здравоохранении. говорят: «Принеси справку о ранении, без справок мы только женщин принимаем». А где я возьму эту справку, если ранен был 66 лет назад? И я махнул рукой. Теперь мечтаю дожить до хорошей погоды и попросить сына, чтобы свозил меня на рыбалку. В молодости в свободное время я любил посидеть на берегу реки с удочкой, это было моим любимым занятием». А на вопрос, что бы он хотел пожелать современной молодежи, ответил кратко: «Быть достойными своих отцов и дедов, спасших нашу Родину от фашизма, брать с них пример. И не забывать уступать место в общественном транспорте пожилым людям».

18 июня 2009 года на расширенном заседании Тракторозаводского районного комитета ветеранов войны и военной службы председатель комитета А.Ф. Галочки назвал Михаила Емельяновича в числе самых активных комитетчиков, а товарищи вновь избрали его в состав комитета.

МГНОВЕНЬЯ ПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ

Перед войной на экранах кинотеатров страны с большим успехом демонстрировался необычайно интересный кинофильм «Большая жизнь», рассказывающий о героике мирного труда шахтеров, роли которых исполняли популярные артисты Борис Андреев, Петр Алейников и другие. Посмотрев этот фильм мальчишки того времени твердо решали для себя в будущем стать обязательно шахтерами. Десятиклассник же Николай Семенов видел дальше своих сверстников и решил посвятить свою жизнь поиску подземных кладовых угля, нефти, золота и других полезных ископаемых, которыми богата и в которых очень нуждалась его советская социалистическая держава. Поэтому он поступил учиться на геологический факультет Ленинградского горного института имени Д.И. Менделеева. В сентябре 1941 года в институте должны были начаться занятия. Но неожиданно группе студентов, в которую он входил, вручили повестки для службы в Красной Армии. И Николай Григорьевич Семенов летом 1941 года оказался в палаточном военном лагере под Брестом, всего в полутора километрах от Государственной границы. Курсанты военлагеря жили в палатках по одиннадцать человек в каждой. Много учились. О новостях, происходивших в стране и в мире, узнавали из газет. А положение на мировой арене складывалось тревожное. Газета «Красная Звезда» писала, что англичанами в Средиземном море потоплен германский линкор «Бисмарк», а морской министр США принял решение о переоборудовании нескольких торговых судов в небольшие авианосцы, и построить в США четырех новых военных заводов. Спецкоры газетописывали подробности начавшихся военных маневров гарнизона крепости Гибралтар, сообщали об авианалете

немецких самолетов на остров Мальта, о передачи французским послом в Испании английскому послу ноту протеста в связи с военными действиями англичан в Сирии и др.

« Мы хоть и были «неотесанными» солдатами, - вспоминал Н.Г. Семенов, - но увидев однажды над нашим лагерем летящий немецкий разведывательный самолет типа «рама», догадались, что до начала войны остается совсем немного времени. Написали об этом письма домой, сообщили, что ожидается большая война и на всякий случай попрощались с родными.

Рано утром 22 июня нас разбудил оглушительный взрыв, за ним последовали еще и еще. Это немцы начали артобстрел нашего лагеря. Один их снаряд попал прямо в палатку и 11 курсантов – как ни бывало. Кто-то поддал команду: «В укрытие!». Мы бросились к окопам, выкопанным во время учебных занятий. Я залег на дно одного из них и, закрыв голову руками, думал: «Попадет снаряд в окоп и все, конец нам». Но артобстрел вскоре прекратился. Наступила тревожная тишина, лишь в ушах что-то звенело. Появился начальник курсов майор Сургайло и приказал всем курсантам самостоятельно следовать в свои воинские части. А мне до своей части надо было вначале добраться до желдорстанции Оранчицы, а затем еще 12 км. до разведывательного батальона 30-й танковой дивизии.

Станция Оранчицы уже была вся охвачена огнем. Мы стали искать вокзал и увидели патрулей. Патрульные скомандовали грузиться нам в кузов полуторки, подобрали еще несколько бежавших по дороге красноармейцев и повезли нас неизвестно куда. Подъехали к мосту, а там уже немцы. Рассредоточившись вдоль берега мы вступили в перестрелку. Двое наших погибли. Подошли еще две

группы красноармейцев и сообща мы отбили мост у фашистов, быстрым маршем преодолели его и двинулись дальше. Так я попал в Брестскую крепость. Раньше я думал, а многие и сейчас так думают, что главная цитадель это и есть крепость. Но это не так. Внутри крепости имелись еще три подготовленных к обороне острова. Толщина кирпичных стен островных укреплений достигала трех метров. Острова окружались водой каналов и реки Мухавец. На 11-й день войны немцы уже прорвались в крепость, захватили клуб, располагавшейся в бывшей церкви. На площади валялись истерзанные снарядами тела детей и женщин из семей военнослужащих. Убрать их трупы не было никакой возможности, так как немцы патронов и снарядов не жалели. Вспоминая эту жуткую картину, я всегда с горечью думаю, почему же командиры, видя как над их крепостью летают немецкие самолеты разведчики, не эвакуировали своевременно свои семьи в тыл, и сердце мое сжимается от жалости к погибшим детям и женщинам.

В крепости меня определили на первый остров, потом перевели на другой остров, где командир построил нас, десять разведчиков во главе со старшим сержантом Топчиевым, и поставил задачу: «Выйти из крепости незамеченными и хотя бы кому-то одному достичь города Жлобина и доложить о положении, в котором оказалась Брестская крепость. Ночью мы двинулись по воде. Моросил мелкий дождь. Видимость была как в тумане. Это, по-видимому, и посодействовало тому, что вышли мы из крепости незамеченными. Вошли в лес. Залегли. Послали вперед трех разведчиков. Вскоре они вернулись и доложили старшему сержанту, что впереди мелкий кустарник, а за ним маленькая деревушка, жители ее рассказали, что немцы уже заняли Смоленск. Кто-то посоветовал, поскольку до Жлобина идти далеко, пойдете в Оршу. «Нет,- сказал старший сержант,- у нас приказ идти в

Жлобин туда и пойдём». На пути нам стали встречаться сельские жители, они рассказали нам, что Орша тоже занята немцами. И тогда наш командир решил идти строго на восток, ориентируясь по дороге Брест-Москва. Теперь мы шли, в основном, ночью, реки преодолевали вплавь. У мостов и переправ часто вступали в перестрелку с немцами. И, наконец, впятером вышли к Смоленску, город в это время горел, черный дым стелился над дубовым лесом. Мы присели отдохнуть под деревом. Закурили. И стали рассуждать, куда же нам теперь двигаться дальше. Ведь нас могут расстрелять свои же, как лазутчиков, война же идет.

Неожиданно я увидел, как по дороге мчится, поднимая клубы пыли, полуторка, а в ней мой первый командир лейтенант Огнев. С криком: «Товарищ лейтенант!» - я бросился в погоню за полуторкой. Схватился за ее задний борт, но кто-то сильно стал колотить мне по рукам. Я сорвался, упал, ударился о мостовую и потерял сознание. Очнулся в полевом госпитале. Лейтенант Огнев и сержант Дмитриев пришли меня навестить. 12 дней я пролежал в этом госпитале. А потом нас с сержантом Дмитриевым перебросили под Харьков в Чугуевские лагеря, где нам предстояло выучиться на танкистов. Великая Отечественная война для нас только начиналась».

После окончания курсов Н.Г. Семенова назначили наводчиком танка Т-34 121-й танковой бригады имени Наркомата среднего машиностроения. При доформировании этой бригады была включена в ее состав колонна танков «Челябинский колхозник», построенная на средства собранные колхозниками Челябинской области. Бригада участвовала в Рославльско-Новозыбковской наступательной операции, в оборонительных боях Орловско-Брянской операции. В ноябре 1942 года бригаду перебросили

под Москву для нанесения контрударов во фланг наступающему противнику.

«Первое боевое столкновение, - вспоминал Н.Г. Семенов,- мы имели под городом Ефремовым. Пушка бьет по нашему танку, а я, наводчик орудия, из-за густого тумана не могу ее обнаружить.

- Да вон же она,- торопил меня командир танка старшина Нагоренко

Мы оба с ним по пояс вылезли из люка, я слева, командир справа, он показывал мне пальцем в сторону деревянного дома. И я увидел зловещий ствол вражеской пушки. Мы явно пренебрегали осторожностью. Раздался выстрел. И бронебойный снаряд попал в грудь командиру, прошив его насквозь. Сокрушаться не было времени. Я взял на себя роль командира. Дал команду механику-водителю: «Вперед к деревянному дому!» Танк снес половину дома и подмял под себя, стоящую там пушку, давил гусеницами, расстреливал из пулеметов пытавшихся скрыться гитлеровцев. Потеря Нагоренко стала для нас большой утратой. Я так переживал его смерть, что три дня не брал в рот крошки хлеба. Ведь он был для меня, как отец, он учил меня воевать. Бои в то время были настолько свирепыми, что нам не давали возможность похоронить своего командира. Два дня мы возили его тело на броне танка, пока не появилась похоронная команда, которая сделала все, как полагается, похоронив нашего командира на возвышенном берегу реки.

«Во время январской 1942 года Барвенково-Лозовской наступательной операции Юго-Западного фронта на юге Харьковской области,- продолжал рассказ Н.Г. Семенов,- после продолжительных боев наши войска были вынуждены оставить райцентр Александровский, что не входило в планы главного командования. Поэтому через три дня был получен приказ: «Взять его обратно!» Выполняя приказ, танки

121 бригады имени Наркомата среднего машиностроения, экипажи которой частично были укомплектованы рабочими харьковского тракторного завода, лавиной покатились к райцентру. За танками бежала пехота. Наш танк шел крайним справа. Механик-водитель, словно слившись с машиной, вел танк на указанные ориентиры. Я находился в башне слева от командира на месте наводчика орудия, одновременно выполнял обязанности заряжающего. Танки шли, преодолевая сугробы по полю, на котором стояло много стогов сена, запорошенных снегом. Немцы же в райцентре к этому времени получили подкрепление и хорошо закрепились. В правый борт нашего танка то и дело били снаряды разных калибров. Но катаная броня наших танков, сработанная на Николаевском заводе, выдерживала удары. От каждого попадания снарядов танк вздрагивал и по внутренней поверхности брони, словно солнечными зайчиками пробегали блики. После боя мы насчитали более 10 попаданий в танк и только два снаряда, выпущенных зенитной пушкой, пробили правый борт сзади, где находилось трансмиссионное отделение, повредили фрикционные механизмы и коробку передач. Такое повреждение чуть не стоило нам жизни. Танк остановился. Мотор работает, а движения нет. Командир приказал механику искать повреждение, а мне внимательно наблюдать за полем боя, в случае необходимости поддерживать наступающих огнем с места. А в это время шедшие впереди нас три танка, попав под огонь врага, загорелись и окутались дымом. Их экипажи покидали машины. От усилившегося артиллерийского огня противника поле, только что казавшееся белым, стало от дыма, гари и поднятого взрывами снарядов мерзлого грунта почти черным. Налетели около 12 немецких самолетов и атаковали нас с воздуха. Видимость ухудшилась. И вдруг, словно из пелены

тумана, я увидел бегущую нашу пехоту и наши танки, пятась, отступали назад. Мы же по-прежнему стояли на месте, и вскоре впереди нас остались лишь три догорающих танка. Попробовали выйти наружу. Приоткрыв люк механика, осторожно выставили шлем танкиста и тут же получили в нем дырку. Повторили эту операцию с командирским люком и незамедлительно получили такой же результат. Поняли, что наш танк держат на прицеле вражеские снайперы. Вскоре появились и сами немцы. Перебегая от стога к стогу, они приближались к нам. Уже были слышны их крики: «Рус, сдавайся!» Они не знали, что танк-то наш был огнеметный. Внешне он ничем не отличался от тридцатьчетверки, только впереди на месте ствола пулемета у него располагался ствол огнемета. А внутри танка на месте стрелка-радиста стоял баллон с жидкостью КС, емкостью 100 литров и сам огнемет. На один выстрел требовалось 25 литров жидкости. Дальность выброса огнеметной смеси доходила до 100 метров. Мы ждали, когда немцы подойдут ближе. И когда они приблизились метров на 50, командир дал команду произвести два огнеметных выстрела. Огненные пучки вылетели из танка, покрыв большую площадь, сжигая все на своем пути. Уцелевшие фашисты бежали, падали в снег, катались по нему, пытаясь сбить пламя. Но когда вставали на ноги, пламя вновь вспыхивало на их одежде. Десятка три обгоревших трупов фашистов остались лежать на снегу. Желания повторно атаковать танк у немцев на некоторое время пропало, но мы знали, что просто так они нас не оставят. Вечером, когда стемнеет, они могут окружить танк со всех сторон, и мы ничто не сможем поделаться. Погасла 12-вольтовая лампочка и в кабине танка стало темно. В лагере противника вновь наметилось оживление. Командир танка младший лейтенант Розенберг тихо сказал:

- Ну, ребята, дела складываются худо, я лично в плен сдаваться не буду.

Мы знали, что наш командир до войны работал инженером на Харьковском тракторном заводе и что по национальности он еврей, а что делали немцы с евреями, все хорошо знали.

- Я тоже в плен не буду сдаваться,- услышал я голос механика-водителя Мулявина.

- У нас же целый ящик гранат, будем отбиваться ими до конца – предложил я.

И в нашем танке установилось полное единство. Но немцы по-прежнему пока, ни чем себя не проявляли.

- Если мы с Мулявиным останемся в танке, ты сможешь пробраться к своим и доложить о положении, в котором оказались мы здесь? – спросил меня командир, и я ответил утвердительно.

Мы открыли нижний люк, под ним сильно спрессованный тяжестью танка снег. Саперными лопатками мы резали снег на куски и перемещали их вовнутрь танка потом я, одев белый маскировочный халат, опустил в образовавшуюся штробу и, орудуя лопаткой, стал пробиваться к левой гусенице. А далее уже было легко. Я прополз по следу танка метров 500, потом встал и побежал бегом.

Командир полка выслушал мой доклад, немедленно выделил два танка, меня назначил провожатым, и мы помчались на помощь своим товарищам. Подъехали к нашему танку, когда было совсем темно. Розенберг и Мулявин уже были наружи и держали наготове буксирный канат. Но сдвинуть с места нашу машину не смогли даже два танка. Услышав шум моторов, немцы открыли артиллерийский огонь.

- Разбить гусеницы!- прозвучала команда командира

Мы с помощью кувалд под огнем противника, прикрываясь броней своих танков, с большим трудом выбивали кувалдами «пальцы» гусениц, разъединяли

траки. И только после этого танки смогли сдвинуть с места нашу машину и приволокли ее в расположение батальона без гусениц.

Мы чувствовали себя тогда словно вырвавшимися из объятий смерти. Дышали полной грудью. Появился инженер бригады, нас окружили ремонтники.

- Младшего лейтенанта Розенберга к командиру! – крикнул посыльный.

Розенберг снял шлем, и я своим глазам не поверил, перед атакой у нашего младшего лейтенанта были кудрявые черные волосы. А сейчас они стали у него полностью белыми. На горизонте вспыхнул прожектор и его луч осторожно заскользил по опушке леса. Ночь закачивалась. Наступал новый день войны.

За спасение огнеметного танка весь наш экипаж был представлен к правительственным наградам. Мне вручили тогда первый орден Красной Звезды».

В последующих боях Н.Г. Семенов был ранен. После лечения в госпитале его направили на восьмимесячные курсы в Ульяновское танковое училище для изучения тяжелых танков ИС-2. 121-ю танковую дивизию вскоре перебросили под Сталинград, где за мужество, отвагу и умение проявленные при разгроме окруженного под Сталинградом врага, бригаде было присвоено наименование 27-я гвардейская танковая бригада имени Наркомата среднего машиностроения. А танк под №18 из колонны «Челябинский колхозник», первым прорвавший вражескую оборону, по израсходованию своих боевых возможностей был передан городу Сталинграду в качества танка-памятника. Он был установлен на пьедестале северо-западнее Мамаева кургана, у железной дороги, как немой свидетель былых сражений.

«После окончания курсов в Ульяновском училище меня послали на Урал, - продолжал рассказ Н.Г. Семенов, - там, на Челябинском заводе я получил

29 тяжелых танков ИС-2 и по железной дороге отбыл с ними в Тулу. В Туле офицеров танкистов, а я уже был капитаном, вызвали в особый отдел. Долго беседовали, а потом забрали у нас на хранение партийные билеты, переодели в форму Войска Польского и сказали: «Теперь вы будете служить в тяжело-танковом полку прорыва Первой польской армии Людова. После того как мы взяли Варшаву и провели по этому случаю военный парад по разрушенным улицам польской столицы, танковые экипажи нашего полка стали пополняться поляками.

Освободив Польшу, мы форсировали Одер. В город Брицен моя рота входила ночью, жителей его не было видно. Они или бежали, или попрятались в подвалах. Окна многих домов были открыты настежь. Ветер раскачивал полуоторванную калитку крайнего дома. Было тихо, но мы знали, что тишина эта обманчива. И действительно, через некоторые мгновения нас встретила огнем немецкая батарея, Наши тяжелые танки расправились с ней довольно быстро, раздавив одно за другим четыре орудия. Но и в моей роте у двух танков была повреждена ходовая часть. Оставшимися тремя танками мы прорвались к мосту. Огнем орудий рассеяли скопления противника. Давили гусеницами огневые точки врага. Захватили мост и удерживали его до подхода главных сил. За эту операцию меня наградили первым польским орденом, Крестом Грюнвальда

Продолжая наступать на север, мы вышли к портовому городу на Балтике Грайсенберг, от причала которого минут 40 назад отошла немецкая баржа, груженная техникой и людьми. Она была уже далеко от берега. Но гитлеровские моряки не учли, что пушки наших танков стреляли на расстояние 28 километров. И мы открыли огонь. Использовали почти весь боезапас, но баржу потопили.

От берегов Балтики мы получили приказ следовать на Берлин. По пути 20 апреля 1945 года в бою за город

Бернау я получил третье ранение. 11 осколков врачи извлекли из моего тела, а один до сих пор остается у меня в предплечье, остается как память о великой войне и великой победе»

День Победы Н.Г. Семенов встретил в госпитале. В 1946 году инвалидом возвратился в Челябинск с тремя орденами Красной Звезды, польскими орденами Крест Гюнвальда 3-й и 2-й степени, и многими медалями, позднее к этим наградам добавился орден Отечественной войны 2-й степени. Вернувшись к мирной жизни, он работал помощником директора по воспитательной работе 10-го технического училища, военруком 33-й школы. Был всегда с молодежью, радовался, какие прекрасные ребята подрастают на смену поколению победителей, гордился той широкой перспективой, которая открывалась перед каждым молодым человеком в советской стране, и искренне завидовал им.

Но наступили иные времена. Теперь душа болит у ветерана за сына и внука, которые оказались безработными. Хоть как-то помочь им работает в саду. И продолжает верить, что время благополучия вернется в Россию. И вновь зазвучит по радио песня «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

Сталинградец

Уютный казачий хутор Секачи в Сталинградской области насчитывал более 800 хорошо обустроенных хозяйских дворов, располагался он в

живописном местечке вдоль реки Медведица. Достопримечательностями хутора был православный храм с позолоченными куполами, а на возвышенностях красовались три ветряных мельницы, их большие лопасти оживали и начинал махать, как четыре огромных крыла, только в период, когда наступало время казакам молоть собранное зерно. Вообще-то казачье сословие в 1920 году было упразднено, но казаки со своими традициями и обычаями оставались. В 1936 году казаков вновь стали призывать в армию, что позволило существенно пополнить кавалерийские части РККА. Жители хутора трудились на полях, жили дружно, но не забывали о своей второй профессии «Родину защищать».

22 июня 1941 года на улочки хутора неожиданно въехала легковая автомашинка ЗИМ черного цвета с развивающимся над капотом черным флагом. На этом автомобиле прибыл из области окружной казачий атаман А.И. Недорубов. Через полчаса вся центральная площадь хутора заполнилась казаками, многие из них были уже в казачьей форме и с холодным оружием. Принесли громкоговоритель, микрофон и Недорубов выступил с краткой речью: «Дорогие станичники! Донская казачья область и вся наша Родина в опасности, германские войска напали на СССР. Доставайте свои шашки, пики, приводите их в порядок и готовьтесь к отправке на фронт». Во всех дворах зазвенели и завизжали точила, казаки точили свое оружие. У многих появились карабины и берданы. В сельсовете началась запись на фронт. Через два дня казаки - подростки, старики и бабы двинулись вниз по реке строить оборонительные укрепления, а в 1942 году все хуторские жители, старики и молодые, оказались в ополчении.

«Я был среди них, - вспоминал Михаил Трофимович Горин, - а когда 29 августа отметил свое

семнадцатилетие, меня призвали в РККА, и после двух месяцев учебы в танковом полку перебросили на Калининский фронт, где я получил боевое крещение, будучи стрелком – радистом танка Т-34.

23 ноября Левитан известил по радио всему миру, что советские войска сомкнули кольцо вокруг Сталинграда и треть миллиона оккупантов, во главе с фельдмаршалом Паульсом, оказались в окружении. С щемящей душу тревогой мы ловили вести из под Сталинграда так как понимали, что там сейчас решается судьба не только этого города, но и всего Советского Союза, нашей большой и малой Родины. 24 ноября 1942 года, ровно через сутки после окружения Сталинграда три танковых и две моторизованных дивизий врага, дислоцированных под городом Белый, в 90 километрах от Ржева и Вязьмы, начали срочно грузить свою технику на железнодорожные платформы для переброски ее под Сталинград с целью деблокировать окруженную группировку Паульса.

Но 25 ноября 1942 года в 4 часа утра советские войска Калининского фронта после усиленной артиллерийской обработки переднего края немцев, перешли в наступление. Прорвали оборону гитлеровцев и завязали тяжелые бои, имея цель сковать силы противника в районе Ржева и Вязьмы, уничтожить как можно больше немецких танков, не допустить их переброску к Сталинграду. Среди вошедших соединений в прорыв обороны врага был и наш 1-й механизированный корпус, которым командовал уроженец города Карабаша генерал-майор М.Д. Саломатин. В течение 20 дней шли здесь кровопролитные бои. В этих боях я впервые наблюдал как с врагом не на жизнь, а на смерть сражались не только люди, но и наши собаки-подрывники. Собак этих предварительно дрессировали, кормили их только под танком с работающим двигателем, таким образом,

приучали собак не бояться танкового грохота. Перед боем собак не кормили трое суток, а в решающие мгновения навешивали на них сумки с противотанковыми минами и выпускали собак на приближающиеся немецкие танки. Собаки мчались к танкам и погибали, подрывая вражеские машины, спасая

жизнь советским солдатам. В итоге двадцатидневных боев переброска немецких дивизий под Сталинград была сорвана, а половину уничтоженных вражеских танков оказалась на счету собак.

Проведя столь важную операцию, мы благополучно вышли из окружения на исходные позиции. Все 20 дней боев координировал действия советских войск на этом участке фронта генерал Жуков. После окончания операции он подъехал к нам, когда мы еще не пришли в себя после прошедших сражений. Поблагодарил за верность воинскому долгу, за мужество и отвагу и на возникшем стихийно митинге вручил многим красноармейцам и командирам правительственные награды. Я получил тогда медаль «За боевые заслуги». В 60-х годах об том эпизоде боев вышел на экраны Советского Союза художественный фильм «Корпус генерала Шубникова».

В 1943 году М.Т. Горин в составе 1-го механизированного корпуса участвовал в оборонительных боях на Курской дуге и в контрнаступлении на Белгородско-Харьковском направлении, а затем с боями вновь продвигался на запад.

«При освобождении Краснограда, - продолжал он рассказ, - наша танковая бригада ночью окружила город. Все дороги и возможные отходы немцев из Краснограда были перекрыты. Утром едва забрезжил рассвет, стали один за другим зажигаться огоньки в окнах домов. И вдруг из-за угла крайнего дома выехала немецкая легковая машина Опель с высокими

чиновниками в салоне. Увидев советские танки, Опель свернул в проулок.

- Догнать! – скомандовал командир танка механику-водителю.

Танк рванулся за беглецом. Опель выехал на ровное поле и на рыхлой почве потерял скорость. Танк настиг автомашину и под его гусеницами Опель лопнул, как консервная банка. Беглец, вероятно, хотел предупредить своих о прибытии советских танков, но его ликвидировали без шума, а танкодесантники без единого выстрела сняли всех часовых в городе и Красноград был освобожден без потерь. 19 сентября 1943 года приказом Главнокомандующего И.В.Сталина нашему корпусу было присвоено наименование – Красноградский. И он стал именоваться 1-й Красноградский механизированный корпус».

Продолжая наступление на запад 1-й механизированный корпус освободил города Кременчуг и Полтаву, форсировал Днепр, выдержал тяжелые бои в районе Знаменка-Черный лес, а после боя под Александровском Кировоградской области выяснилось, что в корпусе почти не осталось танков, и корпус вывели на переформирование в Павлоград. В Павлограде все бригады корпуса пополнили новыми танками, в том числе американскими типа Шерман.

«Эти танки,- немного помолчав, продолжал рассказ Михаил Трофимович, - оказались очень уязвимыми. Их узкие гусеницы проваливались в грунт, бронезащита была тоже слабой. По высоте Шерман превосходил Т-34 и был хорошей мишенью для вражеских артиллеристов. Очень тяжело нам было на нем воевать, но вооружение на Шермане было мощное, 85-миллиметровая пушка, два 37-миллиметровых пулемета, миномет для дымовой завесы и зенитный пулемет на башне. С боями, освобождая города и села Украины, Белоруссии, Польши, мы наконец-то

форсировали Одер и вступили на землю фашистской Германии. В то время наш корпус влился во 2-ю армию Богданова. На Кюстренском плацдарме чтобы нейтрализовать фаустников впереди колонны Богданов пустил бронетранспортеры с пехотой. А мы, танкисты, следовали за ними. Помню, как сейчас, наш танк вырвался вперед, раздавил одну вражескую пушку, затем другую. Мой пулемет тоже не молчал, очередью срезал троих гитлеровцев. Но, по-видимому, где-то поблизости притаился фаустник. Последовал сильный удар, и я потерял сознание. Очнулся только через месяц в Польском госпитале, а потом долечивался в Харькове, там и встретил день Победы».

После лечения в госпиталях М.Т. Горин возвратился в родной Сталинград инвалидом, со значительно потерянным зрением. Но он не пал духом, учился, работал директором типографии, избирался председателем профкома, был внештатным военруком в школе, к его боевым наградам добавился трудовой орден «Знак Почета». В настоящее время он живет в Челябинске. Воспоминания о пережитом, о войне до сих пор свежи в его памяти, он охотно делится ими с молодежью. Им издано три книги на военную тематику. В свободное время пишет стихи, в которых рассказывает о боевых и трудовых подвигах поколения победителей, о преданности Родине, воинском долге и смысле жизни.

Была война великая

К концу 1943 года Красная Армия освободила более одной шестой части территории Белоруссии. Большая же часть братской республики оставалась под пятой врага. 23 июня 1944 года, после длительной подготовки, согласно утвержденному плану «Багратион», Советские войска вновь перешли в

наступление. Их удар в Белоруссии был настолько велик, что враг не выдержал. Отступление оккупантов походило на бегство, а гитлеровское командование потеряло управление войсками. В руки советских разведчиков попал в те дни дневник, в котором командир роты 4-й немецкой армии записал такие строки:

«27. 06. 1944. Все катится вспять. Последние силы еще ведут тяжелые бои, чтобы прикрыть мост. Все отступают. Машины увешаны людьми. Дикое бегство.

2. 07.1944. Русские заняли шоссе, и больше никто не пройдет...Такого отступления еще не бывало! Можно сойти с ума».

Один из участников тех памятных боев челябинец Леонид Александрович Орлов, радист-пулеметчик танка Т-34, рассказывал корреспонденту газеты «Ветеранский вестник»:

«В конце июня 1944 года 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус двигался по направлению города Борисов. Нашему подразделению из трех танков было приказано обойти город слева. Выполняя приказ, мы оторвались от основных сил километров на 20 и вскоре оказались у небольшого селения, а за селением километров в двух протекала река Березина, справа простирался густой лес. От жителей селения мы узнали, что немцы спешно покинули село рано утром. Продолжая движение к реке, первый танк въехал на деревянный мост через Березину и мост подозрительно закачался. Остановились. Из головной машины вышел командир, осмотрел мост. Оказалось, что сваи моста подпилены. Кто это сделал немцы или партизаны мы не знали. Берег реки был сложен из мелкого рыхлого песка. Машины провалились в песок до самого днища и потеряли ход.. И вот тут случилось непредвиденное. Справа на опушке леса появились два немецких танка типа «тигр» и открыли по нам огонь. От

неожиданности мы ничего не могли предпринять. Две наши машины загорелись. Немцы расстреливали их, как на учебном полигоне. Вместе с машинами сгорела и большая часть экипажей. Танк, на котором находился я, стоял в стороне, за кустами в небольшой ложбине, противник его не видел. Когда «тигры» ушли, мы посадили на броню оставшихся в живых танкистов и по пойме реки стали отходить к лесу. Что творилось в наших душах в те минуты трудно передать словами. Мы были вне себя от случившегося и исполняли команды почти по инстинкту. Я заметил, что у меня дрожат пальцы рук, а спиной чувствовал какой-то непонятный озноб. Когда вышли из ложбины берега, стали приходить в себя. И вдруг механик-водитель вдруг резко затормозил машину и закричал: «Вот они!» И я увидел в прорезь прицела своего пулемета двух «тигров» на расстоянии метров 200, они вели огонь по входящим в село передовым подразделениям пехоты. «Тигры» стояли по отношению к нам боком, подставляя под удар нашей пушки, наименее защищенные броней борта своих машин. Мы, конечно же, этим воспользовались. «Снаряд бронебойный!» - подал команду командир. Щелкнул замок пушки. Все действовали четко и быстро. И первыми двумя выстрелами подбили оба «тигра», они задымили, их экипажи покидали машины и бежали в сторону леса. Уничтожением этих двух немецких танков мы обеспечили входение в село передовых частей корпуса без потерь. За что весь экипаж нашего танка представили к правительственным наградам. Как сейчас помню в ясный солнечный день на лесной поляне, под духовой оркестр. В торжественной обстановке я получил первый свой орден Красной Звезды из рук Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского.

За ночь саперы навели переправу через Березину. А утром мы вновь продолжили марш по белорусской

земле. Однажды ночью, когда я задремал у своего пулемета, танк вдруг остановился. С моего места пулеметчика ничего в темноте, кроме силуэтов деревьев, не было видно. «Нам встретились партизаны», - послышался в шлемофоне бодрый голос командира. Мы вышли из танка. Солдаты, которые сидели на броне, уже находились на земле и братались с лесными властелинами. Партизаны были одеты кто во что, вооружены кто чем. Кто-то из них был чисто выбрит, а кто-то отрастил бороду. Радость встречи проявляли все неимоверную, обнимали танкистов, целовали их, не обошлось и без слез радости. Еще бы ведь освободители пришли. Командир устроил привал, мы снабдили партизан хлебом, махоркой, спичками и двинулись дальше.

На рассвете 3 июля в предместье Минска, разгромив заслон врага, передовой отряд нашего корпуса ворвался в столицу Белоруссии. Мы на своем танке вошли в город третьими. Тяжелая картина открылась перед нами. Город лежал в развалинах. Уцелело совсем немного зданий, среди них Дом правительства и здание ЦК Компартии Белоруссии, но и они были заминированы и подготовлены к взрыву. Их спасли лишь стремительно ворвавшиеся в город советские танки. К исходу 3 июля Минск был полностью очищен от оккупантов, не считая гитлеровцев сдавшихся в плен. Я наблюдал, как среди развалин командиры допрашивали через переводчика пленных немцев совсем юных по возрасту, недавно переброшенных в Белоруссию из Франции. Вид у них был бледный. «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» - вспомнились мне тогда слова из кинофильма «Александр Невский».

Жители Минска, перенесшие нечеловеческие мучения и унижения от оккупантов, теперь ликовали, радовались, гладили руками броню танков, забрасывали танкистов цветами.

Вечером мы покинули город. 3-й гвардейский корпус шел на уничтожение минской группировки врага и далее на город Вильнюс.

Почти с ходу Вильнюс был окружен советскими войсками. Но враг держался крепко. Боеприпасы и подкрепления ему доставляли по воздуху. 10 июля утром мы пошли на штурм города. Командир танка молодой лейтенант неосторожно приоткрыл верхний люк, приподнялся в нем, чтобы лучше осмотреть местность и тут же был сражен очередью из автомата. Сокрушаться по убитому не было времени. Старшим по званию в танке оказался я. Мы захлопнули люк и, стреляя на ходу, двинулись в район вокзала. Вдруг страшный удар потряс машину. В ушах что-то засвистело и загудело. Это немецкий снаряд попал в борт нашего танка, а осколки, отлетевшие от брони, попали мне в плечи, руки и лицо. Танк загорелся. Помогая друг другу, мы сумели из него выбраться. Следовавшие за нами другие танки нашей роты прикрыли нас. Меня вместе с другими ранеными на автомашине комбрига вывезли из боя. Но за городом автомашина попала под бомбежку, взрывной волной ее перевернуло и бросило на обочину. К моим ранениям прибавилась контузия, и меня отправили в тыловой госпиталь.

После госпиталя я вернулся в свою часть, но зачислен был в другой экипаж тридцатьчетверки. Однажды, следуя в разведку, наш танк подорвался на mine, его немного развернуло, разорвало правую гусеницу и заклинило поворот башни, радиостанция вышла из строя. Мы оказались на нейтральной полосе. Немцы могли расстрелять нас в упор, но они это почему-то не делали, лишь иногда обстреливали танк из пулемета. Мы поняли, что им требуется наш танк в пригодном состоянии. Они, вероятно, хотели овладеть новым оптическим прицелом, недавно поступившим в танковые войска Красной Армии, и решили танк

защищать до конца. С наступлением темноты снимали лобовой пулемет, выходили из танка и занимали круговую оборону. Вечером вновь возвращались в танк. И так пять суток. На шестые сутки подразделения корпуса перешли в наступления и освободили нас. Командир орудия старшина Линовичкий за эти пять суток поседел и стал белым, как простыня, его самолетом отправили в тыл, а нас троих зачислили во взвод выздоравливающих бойцов. Здесь я еще раз видел маршала К.К. Рокоссовского, он приезжал в нашу часть, благодарил нас лично, пожимая руки за то, что мы не оставили машину».

За годы войны Леонид Александрович шесть раз выходил из горящих танков, а седьмой раз оказался для него роковым. В марте 1945 года в уличных боях за город Гданьск он получил тяжелое ранение и на этом война для него закончилась. После длительного пребывания в госпиталях он вернулся к мирной жизни. Приехал в Челябинск поступил работать на ЧГРЭС, где проработал 48 лет вначале грузчиком по разгрузке угля из вагонов, затем без отрыва от производства окончил энерготехникум и завершил работу на станции начальником смены.

Как-то в 1948 году он проходил мимо школы №44 и увидел учительницу Татьяну Вениаминовну, несущую большую стопку тетрадей. Разрешите, я вам помогу,- обратился он к ней. И помог. А через несколько месяцев они сыграли свадьбу. И вот уже 62 года живут в мире и согласии. Татьяна Вениаминовна гордится своим мужем. А Леонид Александрович называет свою жену - отличницу народного просвещения, настоящей героиней, рассказывает, как Татьяна Вениаминовна в годы войны работала на железной дороге близ ЧГРЭСА и предотвратила крушение воинского эшелона, поэтому не случайно своей главной наградой в жизни она считает медаль «За трудовую доблесть в Годы Великой Отечественной войны». «Это

действительно серьезная награда, - подтверждает Леонид Александрович, - она вполне соизмерима с моим орденом Отечественной войны и тремя орденами Красной Звезды. Ведь труженики ЧГРЭСа – первенца советских пятилеток, построенной по Ленинскому плану ГОЭЛРО, внесли в годы войны большой вклад в Победу. А сейчас нашу станцию продали финнам, и ЧГРЭС теряет свои позиции, об этом мы очень сожалеем». На такой невеселой ноте закончил свой рассказ Л.А. Орлов.

Прощаясь, мы посмотрели семейный альбом Орловых, их боевые и трудовые награды. И воочию убедились в справедливости крылатых слов из народной пословицы: «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют».

БОЕВОЕ ЗАДАНИЯ

Борис Андреевич Крупейников родился 25 июля 1925 года в пристанционном жилом поселке Владимирской области. В 17 лет его призвали в РККА и направили учиться в Киевское танковое училище, эвакуированное в г.Кунгур. После окончания училища он с группой молодых офицеров, получив на Уралмаше новые танки Т-34-85, отбыл на 2-й Белорусский фронт.

«За Москвой, - вспоминал Б.А. Крупейников, - наш эшелон несколько раз бомбили немецкие самолеты, но мы прибыли на конечную станцию без потерь. В прифронтовой полосе разгрузились. Здесь чувствовалось, что война уже рядом. За лесом гремела артиллерийская канонада, там то и дело вверх

взлетали сполохи огня. От линии фронта к железнодорожной станции для отправки в госпиталь шли закутанные в бинты раненые, кто-то из

92

них опирался на палочку, кого-то вели под руки. Мы же без промедления отбыли в расположение полка 8-го гвардейского корпуса, уже не раз отличившегося в предыдущих боях.

В полку нас, новичков, построили. Появился начальник штаба, он среди офицеров выделялся отменной строевой выправкой, на нем была хорошо подогнанная новенькая шинель с ярко начищенными пуговицами, в которой он всегда появлялся перед строем. В одном из последующих боев он так и сгорел в этой шинели в своем танке.

Прибыл командир полка, здоровенный, высокий, намного старше всех нас по возрасту. Первое, что бросилось мне тогда в глаза при знакомстве со своим командиром, это блеск его многочисленных орденов.

Длинных речей не было. Комполка прошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в глаза каждого из нас. На другой день он вызвал меня к себе в штаб и почему-то обратился ко мне совсем не по-военному:

- Сынок, как у тебя здоровье?

А потом последовали вопросы:

- Ты женат?

- Нет,- отвечаю.

- Семья есть?

- Да, мама и папа.

- Ты тяжелую машину знаешь?

- Да, в училище приходилось немного ее водить.

- Это хорошо, иди выбери себе из трех тяжелых машин ту, которая тебе больше по душе и возвращайся сюда.

Я опустил в люк облюбованного мною танка ИС «Иосиф Сталин», нажал на стартер, а двигатель не заводится. Танкист в темном комбинезоне, под которым были скрыты его воинские знаки различий, показал мне

как нужно запускать двигатель этого танка. Он поднялся на башню, опустил в люк веревку, мы с ним вдвоем с помощи веревки прокрутили двигатель и он

93

завелся. Проехав несколько сот метров, я поставил танк на стоянку, вернулся к командиру полка и доложил ему, что все в порядке.

- Тогда тебе такое задание, - продолжил командир полка. – Мы стоим в лесу, а за рекой – немцы, они потихоньку постреливают из минометов. Мы же ждем, когда они пойдут в наступление, или нам поступит приказ атаковать их. А мы не знаем, какие противотанковые средства имеет на этом участке фронта противник».

Командир полка развернул на столе карту и, указывая маршрут в стан врага, продолжал:

- Ты должен один, без экипажа, проехать на своем тяжелом танке вот по этой дороге, И он начертил на карте жирную линию. - Затем проследовать вдоль укреплений и вот по этой дороге вернуться обратно. По тебе будут стрелять, а мы будем засекать их огневые точки. При успешном выполнении задания я представлю тебя к званию Героя.

И еще ораз спросил:

- Детей-то у тебя нет?

- Нет,- ответил я.

- Ну и хорошо,- завершил разговор командир.

С моего танка сняли дополнительные топливные баки, брезент и все то, что могло гореть. Я сел за рычаги своего ИС, захлопнул люк, выехал на дорогу и взял курс прямо к немцу. Первый снаряд потряс танк ударом в лоб, затем последовали удары в борт, и шквал огня обрушился на мою машину со всех сторон.

Как мне рассказывали потом, бронебойные снаряды немецких батарей, высекая искры из брони танка, с визгом рикошетировали в сторону, осколочно-фугасные снаряды разрывались на броне, не причиняя ей вреда.

Мое же состояние в танке походило в те мгновения на то, как будто я сидел в металлической бочке, по которой колотили гигантской кувалдой. Я перестал

94

слышать. Помутилось сознание. Из носа пошла кровь. Но я крепко держал рычаги, направляя свою машину по указанному командиром маршруту. В указанном на карте месте, повернул обратно. Теперь снаряды полетели в корму, а вскоре обстрел стал ослабевать и совсем прекратился. Я уже был перед успешным выполнением задания. Но впереди протекала речушка. Обзор механика-водителя ограничен, и я не заметил, что мост-то через реку был взорван. Мой танк рухнул с обрывистого берега. Гусеницы вращаются, а движения нет ни взад, ни вперед.

Подъехал командир полка:

- Ах, ты такой разэтакий, мы пошли в наступление, а ты здесь сидишь. Сейчас подойдут машины, вытащат тебя, забирай экипаж и догоняй нас. Тремя танками вытащили мою 46-тонную махину. Мы осмотрели танк со всех сторон. На его башне, бортах и корме имелось множество отметин от попадания вражеских снарядов. Но не один снаряд не смог поразить броню танка, созданного мастерами знаменитого Танкограда».

Конструкторы Танкограда Ж.Я. Котин и Н.А. Духов работали на опережение противника, они создали в конце 1943 года самый мощный танк Великой Отечественной войны ИС, броню которого в то время не могла преодолеть артиллерия противника. А 122-миллиметровая пушка танка ИС уничтожала танки врага с расстояния 2000 метров.

Танк Б.А. Крупейникова догнал свое подразделение, когда впереди идущие танки полка уже крушили оборону противника. За этот бой Б.А. Крупейникову вручили высшую награду страны - орден Ленина. А вскоре за спасение Знамени части он был удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

«Это случилось так,- рассказывал Борис Андреевич,- в ходе боя мой танк прошел через облако дыма и я увидел перед собой горящий танк начальника штаба, из его моторной части вырывались языки

95

пламени, из командирского люка валил дым. Я знал, что в этом танке, вдоль борта, где хранились шанцевые инструменты, было приторочено Знамя полка. Во время атак начальник штаба поднимал Знамя над своим танком. Не раздумывая, я подогнал свою машину почти вплотную к горящему танку, перепрыгнул на его броню, набрал в легкие как можно больше воздуха и почти нырнул в люк окутанной дымом машины. Знамя нашел быстро, воздуха-же мне не хватило, и я чуть не задохнулся в дыму. Но мне удалось, буквально, вырваться из объятий смерти, молодой ведь был, силы хоть отбавляй, и я оказался вне танка со Знаменем в руках».

Войну Б.А. Крупейников завершил в Берлине и Праге, был награжден еще тремя орденами Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны: один орден за то, что раздавил немецкую батарею, два – за освобождение городов Белоруссии, а еще два – за взятие германских городов. Еще одной награды-ордена Трудового Красного знамени, он был удостоен уже после войны за активное участие в поднятии целинных и залежных земель. Перед выходом в запас он нес службу на военной кафедре ЧПИ. А затем долго работал преподавателем начальной военной подготовки в школе № 11, где и сейчас его вспоминают добрыми словами и педагоги, и его бывшие ученики за науку бескорыстного служения своему Отечеству.

96

Марш Танкистов

(Из коллекции песен наших отцов и дедов.)

Слова Б. Ласкина

Музыка братьев Покрас

Броня крепка и танки наши быстры,

96

и наши люди мужества полны,
в строю стоят советские танкисты,
своей великой Родины сыны.

Припев

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
пойдут машины в яростный поход,
когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
и первый маршал в бой нас поведет.

Заводов труд и труд колхозных пашен
мы защитим страну свою храня,
ударной силой орудийных башен,
и быстротой и натиском огня.

Припев

Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде:
мы начеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим ни пяди,
но и соей вершка не отдадим.

Припев

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
и первый маршал в бой нас поведет.

Это нашей истории строки.....	
В.Е. Тэслер.....	
Доброволец.....	
Невероятный случай.....	
След на земле.....	
Через три войны.....	
Жизнь продолжается.....	
Рассказ старого танкиста.....	
Боль и сомнение ветерана.....	
На Курской дуге.....	
Сингуровский танк.....	
Время писать мемуары.....	
Вырос на фронте.....	
Западня.....	
Казак всегда казак.....	
Механик-водитель «Валентайна».....	
О незабываемом.....	
Династия танкистов.....	
От Воронежа до Прибалтики.....	
Мгновенья прожитой жизни.....	
Сталинградец.....	
Была война великая.....	
Боевое задание.....	
Марш танкистов.....	
Содержание.....	

